

Покорение Америки

Автор:

Геннадий Марченко

Покорение Америки

Геннадий Борисович Марченко

Выживший #2 Наши там (Центрполиграф)

Приключения Ефима Сорокина продолжаются в Соединённых Штатах. Начиная помощником антиквара, вскоре он уже принимает участие в голливудских проектах и развивает собственный бизнес, становится совладельцем подпольного казино, одновременно устраивая разборки с итальянской мафией за сферы влияния...

Геннадия Марченко

Покорение Америки

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Сергея Атрошенко

Глава 1

Асфальт – стекло.

Иду и звеню.

Леса и травинки —

сбриты.

На север

с юга

идут авеню,

на запад с востока —

стриты.

В. Маяковский. Бродвей

18 мая 1938 года. Именно в этот день я сошёл с трапа сухогруза Liberty. Порт Нью-Йорка, находившийся в устье Гудзона, поражал своими масштабами. В будущем я прилетал в этот мегаполис самолётом, видел порт с множеством доков с высоты птичьего полёта, теперь мне впервые представилась возможность увидеть своими глазами одну из гаваней изнутри. Но и одна впечатляла. Моим глазам предстали сотни самых разных кораблей. Во всех направлениях сновали маленькие, извергавшие клубы чёрного дыма буксиры, облепленные кранцами в виде тряпок, а не привычных резиновых покрышек. Они напоминали трудолюбивых муравьёв, тащивших за собой или толкавших впереди себя приземистые баржи с углём, гравием и даже товарными вагонами. И над всем этим крики и бесконечное мельтешение чаек. Дождик к этому времени прекратился, а туман рассеялся, словно смытый солнечными лучами.

– Ну, парень, дальше я тебе не помощник, – сказал Уолкер, на прощание крепко пожимая мне руку. – У меня сегодня здесь дела, а завтра мы отчаливаем в Филадельфию, получили радиogramму, что у нас появился срочный контракт. На берег толком сойти не удастся, так что вот, держи, я написал адрес моего знакомого и как его зовут, а это небольшое рекомендательное письмо. Тут, сынок, в Америке, без рекомендательных писем никуда, с тобой даже и разговаривать никто не станет.

Я взял два листочка, спрятал во внутренний карман пиджака.

– Не знаю, чем ты мне приглянулся, что я оказываю тебе такую услугу, – продолжил Уолкер. – Может, тем, что я вижу в тебе потенциал, а в людях, поверь мне, я умею разбираться... И помни, что я говорил тебе насчёт оружия. Не стоит его вытаскивать лишний раз, а если уж вытащил, то стреляй первым. Деньги экономь, пусть даже восемьдесят долларов по нынешним временам – сумма приличная. Хотя по тебе видно, что малый ты шустрый, не пропадёшь. Америка может дать тебе шанс подняться, сынок.

«Твои бы слова да Богу в уши», – думал я, покидая ставший мне на две с лишним недели родным домом сухогруз. Мы причалили у торгового дока и, не дожидаясь появления представителей таможни, которые по закону обязаны были проверить груз и документы на него, я сбежал с трапа и тут же затерялся среди огромных ангаров. Чтобы выбраться с территории порта, пронизанного железнодорожными ветками, словно венами, мне потребовалось около двух часов и несколько подсказок местных рабочих. Один из них, с чёрными вьющимися волосами, одетый в промасленный комбинезон, глядя на меня, хмыкнул:

– Эмигрант, что ли? Я сам приехал сюда пять лет назад из Италии, с Сардинии, так что брата эмигранта чую за милую. А тебя откуда сюда занесло?

Услышав, что из СССР, присвистнул:

– Ого, далеко же ты, парень, забрался в поисках лучшей доли. И что думаешь делать дальше? Есть какой-то план? Деньги хотя бы имеются? Доллары, лиры или что там у вас, в России, в ходу?

– Имеется немного долларов, должно хватить на первое время. А что касается планов... Есть у меня один адресок в Нью-Йорке, надеюсь, мне там смогут помочь.

– Ну смотри, если что, приходи к восемнадцатому доку, я там механиком, ремонтирую буксиры в буксирной компании братьев Макаллистеров. Спросишь Лючано Красавчика, меня там все знают.

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарил я нового знакомого. – А меня Ефим зовут, ну или Фил на английский манер.

Мы пожали друг другу руки, и я отправился к уже близкому выходу с территории порта, размышляя, что в любой точке земного шара можно встретить не только негодяев, но и приличных людей, готовых практически бескорыстно оказать помощь.

Через пятнадцать минут я стоял на границе спального района Бруклин-Хайтс, застроенного трёх- и четырёхэтажными зданиями преимущественно красного кирпича. Когда мне здесь проводили экскурсию в 2010-м, то рассказывали, что этот вроде бы не фешенебельный, но спокойный, застроенный в европейской манере район облюбовали разного рода знаменитости, как бывшие, так и современные. Мне запомнились имена Иосифа Бродского, Трумэна Капоте, Уолта Уитмана, Теннесси Уильямса, Сары-Джессики Паркер, Бьорк... За восемьдесят лет район почти не изменился, многие здания постройки конца XIX и начала XX века останутся нетронутыми. В том числе знаменитые церкви самых разных архитектурных форм. В одной из них, как мне рассказали, проповедовал ярый противник рабства по фамилии Бичер – брат той самой писательницы Гарриет Бичер-Стоу, написавшей «Хижину дяди Тома». Впрочем, изредка попадавшие к мне негры всё ещё не выглядели теми наглыми афроамериканцами, какими станут годы спустя. Они передвигались по возможности быстро, втянув голову в плечи и глядя себе под ноги. Зашуганные. И где-то в глубине души мне их даже стало немного жалко. Ну ничего, зато их потомки возьмут своё, заполонив собой Бронкс и Гарлем, куда без пулемёта белому человеку лучше не соваться. Впрочем, они везде будут чувствовать себя хозяевами, уверенные, что белые должны им по гроб жизни за годы рабства их предков.

Будь у меня побольше свободного времени, я обязательно устроил бы сам себе экскурсию по Бруклин-Хайтс, но мне хотелось до наступления вечера добраться до места, указанного в записке капитана Уолкера. А там было написано: Уорбертон-авеню, 34. И имя – Абрахам Лейбовиц. Гм, работа в антикварной лавке для еврея – дело вполне обычное. Вот если бы я встретил в нью-йоркском порту еврея-грузчика... Хотя в Одессе такой факт имел место. Ну да, в СССР вообще в это время чудеса творятся, от которых мне пришлось делать в срочном порядке ноги. Как бы там ни было, по словам кэпа, может, этот старый пройдоха Лейбовиц и поможет бедному русскому как-то устроить своё будущее.

По ту сторону пролива высились небоскрёбы Манхэттена, к которому с Бруклина через Ист-Ривер был переброшен знаменитый подвесной мост. Решив сэкономить деньги – кто знает, когда придётся считать последний цент, – я проигнорировал трамваи и автобусы, отправившись через Бруклинский мост пешком. Для

пешеходов была оборудована верхняя ферма, вымощенная тёмными досками. Почти два километра, всплыло в памяти. Вспомнились и другие цифры, а именно: сколько калорий в среднем сжигает человек, пересекающий Бруклинский мост: 80 калорий в среднем темпе, 100 калорий в быстром и от 300 калорий бегом. Ну, бежать я не собирался, тем более калории могли мне ещё пригодиться.

На середине моста я задержался, обозревая открывшийся вид. Вдалеке – статуя Свободы, охраняющая вход в Нью-Йоркскую гавань, справа – небоскрёбы Манхэттена, слева – приземистый Бруклин-Хайтс, подо мной же – всё то же неистовое судоходное движение. А солнце, кстати, начинает припекать, что и понятно – Нью-Йорк находился примерно на широте Ташкента. Но при этом сам был свидетелем выпавшего снега, то есть у Нью-Йорка имеются свои климатические особенности, что наверняка обусловлено близостью моря.

Я достал из внутреннего кармана письмо от Вари, в которое было завёрнуто фото комсорга одесского порта.

– Привет! – тихо сказал я ей. – Вот, Варюха, я и в Нью-Йорке. Видишь, как тут всё круто? Вон статуя Свободы, вон Манхэттен с его Уолл-стрит, где обделываются делишки на миллиарды долларов. Вот тоже стану миллиардером, или хотя бы миллионером, и привезу тебя сюда. Ты только там меня дождись.

Со вздохом убрал письмо и фотокарточку обратно в карман. Нужно двигаться дальше, вспоминая маршрут, рассказанный мне капитаном. Главное – избегать полисменов, потому как документов при мне никаких. Конечно, я и не подумаю говорить, что я из СССР, тем более я загодя спорол со своей одежды все ярлыки, которые могли бы на это указать, и даже на стельках от ботинок соскоблил ножом название обувной фабрики. Прикинуться местным не получится, для этого у меня слишком заметный акцент. А вот под немца, учитывая моё детство в ГДР, закосить можно. Пока между Германией и Штатами вроде нейтралитет, так что лупить меня дубинками и тем паче ставить к стенке никто не подумает. Правда, могут сделать запрос через немецкое посольство или консульство, если я назовусь каким-нибудь именем. А вдруг возьмут и впрямь отправят в Германию? Блин, что-то меня такое развитие событий не очень устраивает. Я, конечно, готов кокнуть Гитлера, но к этому нужно как-то готовиться, морально в том числе. А я пока не созрел для столь ответственной миссии, которая сопряжена с угрозой и моей жизни тоже.

А не прикинуться ли вообще немым? По-моему, неплохая идея, буду мычать, как Герасим, а если заставят писать... Гм, с писаниной у меня некоторые проблемы, могу легко допустить где-то ошибку. Опять же, заставят писать, как меня зовут и где я живу. Тогда лучше уж прикинуться и безграмотным, думаю, в США люди, не умеющие читать и писать, не такая уж редкость.

Манхэттен встретил меня людской толчеей и сумасшедшим автомобильным трафиком. Мимо меня в обе стороны, бешено сигналив и распугивая пешеходов, мчались «шевроле», «форды», «бьюики», «понтиаки», «крайслеры», «доджи»... Звенели трамваи, неспешно пробивали себе путь в этом скопище машин грузовики и автобусы. Всё это мне резко напомнило Москву будущего, да и то годы спустя движение будет хоть и таким же интенсивным, но куда более упорядоченным. Кто знает, возможно, какое-то время спустя и я окажусь за рулём одного из этих лакированных красавцев. Плавные обводы автомобилей 1930-х радовали глаз, с ужасом заставляя вспоминать «мыльницы на колёсах» вроде наших «жигулей» и «москвичей» эпохи застоя.

Я вспомнил, что улицы в Нью-Йорке опознаются по одной и той же схеме. На том же Манхэттене авеню тянутся вдоль острова с юго-запада на северо-восток, а перпендикулярно им располагаются стриты.

– «Небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой...» – невольно пропел я строчку из шлягера Вилли Токарева.

Действительно, уже в это время Манхэттен был заставлен небоскрёбами, поражающими воображение своей внушительностью. Нет ещё такого обилия стекла, придававшего высоткам будущего какую-то лёгкость, и оттого нынешние высотки казались каменными исполинами, столпившимися в деловом центре Нью-Йорка. С непривычки они давили, я уже и забыл, что значит бродить среди таких железобетонных колоссов.

И не пора ли мне уже поменять имидж? А то в своём потрёпанном прикиде я выгляжу каким-то бомжем. Но, как я вскоре выяснил, цены здесь кусались: за приличный костюм, сорочку, шляпу и ботинки пришлось бы выложить около пятидесяти долларов. Оно и понятно, райончик не из простых, беднота тут не ходит.

В животе заурчало. Зря я не позавтракал на судне, а сейчас вон кишка кишку жуёт. Может, перекусить? Тем более разного рода кафешек по пути попадалось предостаточно. Вон симпатично как смотрится пиццерия под названием «Маленькая Италия», расположившись на первом этаже монументального шестиэтажного здания, рядом с адвокатской конторой «Маккормик и сыновья». Три окна, через которые можно разглядеть часть заведения, например сидевшую за столиком у одного из окон парочку. Приветливо звякнул колокольчик над дверью, впуская меня в царство ароматов, от которых я тут же сглотнул слюну.

– Здравствуйте, мистер!

За прилавком расплывалась в широкой улыбке, демонстрируя крепкие белые зубы, девица лет двадцати пяти. Несколько упитана, но это придавало ей дополнительный шарм, особенно выдающаяся грудь, примерно пятого размера, выглядывающая из декольте. Ярко-красный передник с маленьким изображением флага Италии и живая роза в волосах дополняли этот праздник оптимизма и жизнелюбия.

– Здравствуйте, мисс... Или миссис?

– Пока ещё мисс, – хохотнула толстушка. – Но обычно меня называют просто синьорина Филумена. Я вижу, вы у нас впервые?

– Да, я вообще первый день в Нью-Йорке, мне нужно добраться на Уорбертон-авеню. Пока шёл от порта, немного проголодался.

– О, уж голодным я вас точно не оставлю.

В итоге через пятнадцать минут на моём столике стояло блюдо с огромным куском пиццы и чуть ли не поллитровый стакан одуряюще пахнувшего кофе со сливками. Да-а, мне и в будущем, наверное, не доводилось пробовать столь обалденной пиццы с сыром, грибами, ветчиной, помидорами, зеленью и ещё чего-то на тонком, тающем во рту тесте. А большой стакан изумительного кофе со сливками дополнял этот радующий глаз натюрморт. И за всё про всё – 75 центов!

Пока я ел, весело щебетавшая за стойкой Филумена поведала мне, что пиццерия принадлежит её отцу Энцо Трапаттоне, а открыл заведение ещё его отец – Джованни Трапаттоне, которого не стало два года назад. Что сестра отца, её тётя Кармина, удачно вышла замуж за владельца виноградных плантаций и уехала жить к нему в Ломбардию, нарожав уже троих детишек. Что цены у них вполне приемлемые, а качество пиццы высочайшего уровня, так что даже местные дельцы не брезгают заходить сюда на ланч, а вечером в пиццерии так и вообще не протолкнуться.

– Спасибо, было очень вкусно, – обворожительно улыбнулся я этой разговорчивой милашке, оставляя на столике долларовую бумажку. – Сдачи не нужно. Кстати, где тут можно недорого, но прилично приодеться?

Через минуту я стал обладателем весьма полезной информации. Оказалось, буквально в квартале отсюда во дворах есть магазинчик, где я смогу приобрести всё, что мне нужно, за весьма приемлемую цену. В итоге минут сорок спустя я выходил из магазина с неприметной вывеской вполне прилично одетый в костюм-тройку с неброским галстуком, в новенькие лакированные ботинки и в модную по нынешним временам шляпу. Таким образом, мой бюджет стал составлять чуть более пятидесяти долларов.

На относительно тихой и спокойной Уорбертон-авеню я оказался почти в три пополудни, если судить по башенным часам на одном из зданий. Мне нужно было найти антикварную лавку Абрахама Лейбовица, и я не без труда, но всё-таки отыскал это заведение, находившееся на первом этаже шестиэтажного здания постройки явно не новее середины XIX века. Из-за витрины на меня смотрели пара бронзовых настольных часов – одни с херувимами, а вторые с фигуркой какой-то одалиски, – старинный светильник, не менее старинная гравюра с изображением морского боя, полуметровая модель парусника и разная мелочь, на которой я не стал фокусировать внимание.

Толкнув дверь, я переступил порог, как и в пиццерии, под звон колокольчика, только этот, казалось, звучал как-то более торжественно и монументально. И тут же оказался в царстве антиквариата. Потемневшие от времени полотна в тяжёлых рамах, холодное и огнестрельное оружие, многое чуть ли не времён покорения Америки, самая разнообразная посуда от чашек тончайшего фарфора до помятой железной плошки с симпатичным орнаментом, предметы интерьера, парочка глобусов, статуэтки, подзорные трубы... Отдельно под стеклом были выставлены старинные монеты. За их разглядыванием меня и застал, судя по

всему, хозяин антикварной лавки.

– Доброго дня, мистер! Что вас интересует?

Это был высохший сгорбленный старик с выдающимся крючковатым носом, из ноздрей которого высывалось несколько седых волосинок. Тонкие губы сжаты в ниточку, худое лицо изборозжено морщинами. Чем-то он мне напомнил героя «Рождественской песни» Диккенса по фамилии Скрудж или гоголевского Плюшкина. Не хватало только истёртого до дыр халата и колпака на голове. Самыми живыми на его лице были глаза, которые хитро поблёскивали.

– Добрый день, вы, вероятно, Абрахам Лейбовиц? – учтиво спросил я.

– Истинно так! – воскликнул антиквар. – Так что привело вас в это царство старины?

– К сожалению, пока ничего у вас приобретать я не планирую, хотя, не исключено, со временем и стану вашим клиентом. Мне вас порекомендовал капитан Сэмюель Джейсон Уолкер, просил передать вам привет и вот это.

Я протянул старику записку, и, прежде чем её прочитать, Лейбовиц натянул на нос круглые очки.

– Да, это почерк Уолкера, – кивнул он, почесав жёлтым, словно у курильщика, ногтем кончик носа. – Называет вас Филом и просит оказать подателю этой записки посильную помощь, поскольку человек вы здесь новый и с местными реалиями, как он предположил, совершенно незнакомы. Более о вас ни слова.

– Если сможете чем-то помочь, буду весьма признателен, если нет... что ж, тогда извините за беспокойство. – Я сделал движение, словно собираюсь покинуть лавку.

– Не торопитесь, молодой человек, я ещё ничего не сказал. Давайте-ка присядем и спокойно поговорим. Может, кофе?

Несмотря на то что относительно недавно я опорожнил большой стакан кофе в итальянской пиццерии, от предложения не отказался. И не пожалел. Через

десять минут передо мной на столике стояла чашечка тонкого фарфора, наполненная тёмной дымящейся жидкостью. Если в пиццерии кофе был неплохой, то у старика – просто изумительный! Пусть даже без молока и сливок, что, впрочем, только пошло на пользу, так как я смог насладиться вкусом настоящего бразильского кофе. Всё это ещё больше расположило меня к антиквару.

– Итак, если вас не затруднит, мистер...

– Ефим Сорокин, или можно Фил.

– Постойте, так вы русский?

– Да, а что?

– Так мы с вами, получается, в какой-то мере земляки! – воскликнул Лейбовиц, переходя на великий и могучий. – И таки мы с вами вполне можем говорить на нашем родном языке, благо я ещё его помню. Я родился в Могилёве ещё в царствование императора Александра Второго. А когда мне исполнилось семь лет, отец с семьёй решил искать счастья за океаном. Мои родители со мной и двумя моими старшими сёстрами прибыли в Нью-Йорк двенадцатого августа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Отец был сапожником и здесь продолжил своё занятие. Надеялся, что и я пойду по его стопам. Так и было поначалу, однако меня всегда интересовали старинные вещи, и со временем я устроился помощником к одному антиквару, а затем скопил денег на открытие собственного магазина. и пока, несмотря на обилие конкурентов, держусь на плаву. Кстати, можете называть меня Абрам Моисеевич, это для местных я Абрахам без отчества. Теперь вы, мистер Сорокин, расскажите немного о себе, что сочтёте нужным, и как вы познакомились с Сэмюелем?

– Начнём с того, что я – беглый преступник. – Краем глаза я следил за реакцией Лейбовица. Однако, что удивительно, при моих словах на его лице не дрогнул ни единый мускул.

– Любопытное начало, – кивнул он. – Продолжайте.

В течение следующих пятнадцати минут я выложил перед владельцем лавки историю, которую в своё время озвучил Уолкеру. Антиквар внимательно слушал,

ничем не выказывая своих эмоций, если они у него, конечно, вообще имелись.

– Что ж, весьма, весьма познавательный рассказ, – заключил он, откидываясь в кресле со сцепленными на впалом животе пальцами рук. – Не смею высказывать своё недоверие к вашей истории, не пойму только, чем вы так пленили продублённое солёными ветрами сердце старого морского волка? Почему он вас не высадил в ближайшем или нью-йоркском порту и не сдал в полицию? И даже дал вам мой адрес...

– И сам не пойму, – совершенно искренне пожал я плечами. – А вы как познакомились с Уолкером?

– В молодости я был не в пример шустрее и на равных участвовал в драках подростков. На Брайтон-Бич такое было не редкость. Если за себя не постоишь, к тебе так и прилипнет ярлык труса и неудачника. Как-то сошлись стенка на стенку, и так получилось, что я дрался с парнем, которого звали Сэм Уолкер. Намяли друг другу бока знатно, хоть он и был крепышом, а я худым, словно тростинка. И так случилось, что мы с ним после этого подружились и дальше стояли друг за друга горой. Так наша дружба и тянется до сих пор... Однако вынужден поинтересоваться: есть ли у вас какие-то планы относительно ваших будущих действий?

– Честно сказать, пока ещё не придумал, чем планирую заниматься. Могу выполнять любую черновую работу. Главное – обзавестись документами. Подавать на гражданство, сами понимаете, нет смысла, меня вышлют из США в двадцать четыре часа как незаконно пересёкшего границу. Если только удастся раздобыть поддельные документы. Не знаете, случайно, сколько это может стоить?

– Гм, молодой человек, если бы не эта записка от Сэмюеля, я подумал бы, что вы провокатор, подсланный ко мне из ведомства Джона Гувера[1 - Гувер Джон Эдгар – американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований с 1924 г. до своей смерти в 1972 г.]. Хотя с какой целью? Я же никогда ничем противозаконным не занимался... А потому и ответа на ваш вопрос, к сожалению, дать не могу. – Судя по мелькнувшей в глазах собеседника хитринке, всё же кое-какие делишки в обход закона он обстрепывал и, возможно, неоднократно. Но свои мысли я придержал при себе. – Впрочем, раз уж и вы русский, и я в какой-то мере русский, то, вероятно, смогу что-то для вас придумать, – добавил антиквар.

В этот момент звякнул колокольчик над дверью, и в лавке стало на двух персон больше. Молодые парни, лет по двадцать. Уже один их возраст наталкивал на вопросы. Что им делать в антикварном магазине, куда обычно заглядывают люди среднего и старшего возраста? При этом от обоих исходили волны решимости, смешанной со страхом.

– Одну секунду, – кивнул мне Лейбовиц, поднимаясь и переходя на английский: – Чем могу вам помочь, молодые люди?

Один из них остался у двери, перевернув табличку словом «Закрыто» наружу, а второй резко выхватил из кармана пиджака браунинг.

– А ну, старик, быстро гони всю наличку! – крикнул обладатель пистолета, направляя его то на антиквара, то на меня. – И не вздумайте дёргаться, вы двое, иначе я за себя не отвечаю.

– Позвольте, – растерянno произнёс Лейбовиц, – что вы себе позволяете?..

– Деньги гони, старый хрыч!

Довеском к требованию послужил удар рукояткой пистолета по лицу старика, и из его разбитой губы по подбородку потекла тёмно-красная струйка.

Дальше сохранять нейтралитет не представлялось возможным. Я медленно поднялся под дулом направленного на меня браунинга и, показывая раскрытые ладони, спокойно сказал:

– Парни, вы хорошо подумали, прежде чем решиться на ограбление?

– Ты кто, твою мать, такой?! – выкрикнул обладатель оружия.

– Кто я? Я агент Федерального бюро расследований. Если вы, ребята, не в курсе, это ведомство Джона Эдгара Гувера.

Лейбовиц бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал.

– И мистер Лейбовиц – хороший друг мистера Гувера, также являющегося большим любителем антиквариата, – продолжил я. – У моего шефа грядёт день рождения, и я пришёл сюда, чтобы выбрать для него подарок от лица отдела тяжких преступлений. Когда Гувер узнает о том, что его друга ограбили и, не приведи Господь, ранили или убили, он придёт в неописуемую ярость. И я вам гарантирую, парни, что на свободе вы будете оставаться не больше суток. Даже если вы уберёте и меня, единственного свидетеля, который видел ваши лица, то время вашего пребывания на свободе удлинится не надолго. Так что мой вам совет, ребята: приносите извинения хозяину лавки устно и материально, думаю, за 50 долларов мистер Лейбовиц вас, возможно, и простит. После чего вы покидаете магазин, а мы забываем об этом неприятном инциденте.

Грабители переглянулись. В их глазах теперь уже читалась неуверенность.

– Какой ты на хрен агент! У тебя что, есть документ, удостоверяющий, что ты из ФБР?

– Ты, часом, не охренел, парень? Ты кто такой, чтобы требовать у меня документы? Размахиваешь тут палёной пушкой и думаешь, что самый крутой? Если ты такой крутой и тебе насрать на самого Джона Эдгара Гувера, то, может, тебе и на сицилийскую мафию насрать? Да ты знаешь, что у меня в сицилийской мафии половина родни? Чувствуешь мой итальянский акцент?

Грабители снова переглянулись, теперь уже совсем неуверенно, а обладатель пистолета даже опустил руку с оружием.

– Да какого хрена я тут перед вами, шелупонью, распинаюсь?! Вы всё равно уже почти покойники. Моим друзьям убить человека – всё равно что поджарить яичницу. Даже страшно представить, что они с вами сделают, попадись вы им в руки. Для начала отрежут вам член вместе с яйцами, засунут его вам в рот и заставят всё это сожрать. А после того, как вы, давясь, проглотите свои гениталии, они аккуратно, чтобы вы не откинулись, вскроют вам брюхо, желудок, извлекут оттуда изжёванные член с яйцами и снова заставят вас всё это сожрать, – говорил я, повышая тон и надвигаясь на опешившего грабителя, тыча в него пальцем. – И это будет продолжаться до тех пор, пока ваша мужская гордость не превратится в фарш. После этого они запустят вам в желудок живую крысу, а живот зашьют, и крыса будет прогрызать себе выход на свободу через вашу глотку. Ты этого хочешь, мать твою?! А? Говори, этого?!!

Я резким движением выхватил из-за пазухи револьвер и приставил ствол к голове побелевшего от ужаса парня.

– Бросай пушку, живо!

Браунинг выскользнул из ослабевших пальцев, с глухим стуком упав на пол. Казалось, бедняга сейчас грохнется в обморок. Напарник грабителя выглядел не лучше, вжавшись спиной в дверь, за которой ничего не подозревающие жители мегаполиса спешили по своим делам.

– Прошу вас, – пролепетал парень, зажмурившись. – Прошу вас, мистер, отпустите, клянусь, мы забудем сюда дорогу.

– Сначала гони пол сотни баксов, ублюдок.

Трясущейся рукой тот извлёк из кармана три смятые долларовые бумажки и горстку мелочи. Его дружок предъявил пятидолларовую купюру.

– Это всё, что у нас есть.

– Мелочь можешь оставить себе, – сказал я, забирая помятые бумажки. – А теперь валите оба отсюда, и не дай бог я вас ещё увижу поблизости от этого магазина.

Через несколько секунд в магазинчике снова остались только мы с Лейбовицем. Тот вытер кровь носовым платком, а затем метнулся куда-то за ширму и вернулся с бутылкой бурбона и парой стаканов.

– Вы как хотите, а я выпью, – произнёс он на русском, дрожащей рукой разливая коричнево-золотистую жидкость по стаканам. – Всё-таки не каждый день тебя грабят.

– Пожалуй, тоже не откажусь, – согласился я, поднимая свой стакан.

– А у вас завидная выдержка, – сказал антиквар, немного успокоившись. – Признаться, в первый момент я даже поверил, что вы и впрямь работаете на ФБР. Сыграно весьма убедительно.

– Именно ваше предположение помогло мне придумать версию об агенте из Федерального бюро расследований.

– А что, у Гувера правда скоро день рождения?[2 - Дж. Гувер родился 1 января 1895 г.]

– Понятия не имею, сказал просто наудачу. Но, как видите, прокатило. Вряд ли они тоже это знают. С мафией также вариант пришёлся кстати, вон как перепугались ребята. Может, стоило всё же вызвать полицию?

– Да где их теперь искать, этих проходимцев... Тем более не лучший вариант для вас – вы же пока человек без документов.

Лейбовиц ещё плеснул себе бурбона, я же отказался, мне было достаточно.

– Как вы думаете, их кто-то подослал или они сами по себе? – снова спросил антиквар после того, как стаканы и бутылка были убраны со стола.

– Скорее всего, второе, слишком уж несерьёзно они выглядели. Наверняка обычная шпана, решившая грабануть беззащитного старика. А вы никому не отчисляете за охрану?

– Да кому нужен старик, промышляющий антиквариатом?! Что с меня взять? Если бы я имел подпольное казино или бордель – тогда другое дело.

– Кстати, вот ваши восемь долларов...

– Бросьте, оставьте их себе, вы их честно заработали.

Почему бы и нет, и я с довольным видом убрал купюры в карман.

– А кто сейчас в Нью-Йорке представляет реальную силу? – спросил я, вспомнив сюжет «Крёстного отца».

– Если брать тех, кто стоит по ту сторону закона, то это Комиссия[3 - 'Комиссия – коллективный руководящий орган американской коза ностра, учреждённый в

1931 г. по предложению Лаки Лучано пятью самыми крупными и влиятельными семьями итало-американской мафии, контролирующими Нью-Йорк и разграничивающими «зону влияния» между семьями. Лаки Лучано – Чарльз Лучано по прозвищу Счастливчик, он же Сальваторе Лукания, итальянский преступник, один из лидеров организованной преступности в США. Не имел гражданства США, в 1946 г. депортирован из страны.], та самая итальянская мафия, которую вы упомянули. Комиссия состоит из пяти влиятельных семей. Это семьи Дженовезе, Бонанно, Луккезе, Профачи и Гамбино. Можно ещё вспомнить Аль Капоне, но он работает в Чикаго, и Стефано Магадино – тот подмял под себя Буффало. Есть ещё Мейер Лански, но он в Комиссию не входит, так как не является итальянцем.

– А что ещё вы о них знаете? Слухами, как говорят на нашей с вами родине, земля полнится.

– Честно говоря, немного. Основатель Комиссии и семьи Дженовезе Чарли «Лаки» Лучано три года назад угодил в тюрьму, вроде бы за сводничество. Его место во главе семьи должен был занять Вито Дженовезе, но он сбежал в Италию, оставив трон Фрэнку Костелло[4 - Костелло Фрэнк – американский мафиози итальянского происхождения, прозванный Премьер-министром преступного мира. Являлся одним из самых могущественных и влиятельных боссов мафии в США.]. Джо Бонанно является самым молодым главой семьи, его в своё время поднял Сальваторе Маранцано[5 - Маранцано Сальваторе – один из самых знаменитых деятелей организованной преступности первой половины XX в. вначале на Сицилии, а затем в Америке, где стал одним из ранних боссов коза ностра.], на стороне которого он выступал во время Кастелламмарской войны[6 - Кастелламмарская война – кровавый конфликт за контроль над итало-американской мафией между сторонниками Джо Массерия и Сальваторе Маранцано. Войну назвали так, потому что Маранцано был родом из Кастелламмаре-дель-Гольфо, Сицилия. Кастелламмарская фракция выиграла, а Маранцано объявил себя «капо ди тутти капи», став неоспоримым лидером мафии. Однако он вскоре был убит бандой молодых гангстеров во главе с Лаки Лучано, который установил новый, разделяющий власть орган – Комиссию, состоящую из пяти семей мафии равной мощи, ради предотвращения таких войн в будущем.]. Не брезгает продавать наркотики, хотя и легальный бизнес, по слухам, впечатляет. Кстати, в его ведении большая сеть похоронных бюро по всей стране. Семью Луккезе возглавляют два тезки – Гаэтано Луккезе и Гаэтано «Томми» Гальяно. Они занимаются преимущественно перевозками и одеждой, хотя не чураются доходов от проституции, букмекерства, ростовщичества и других незаконных видов деятельности, что является основой благосостояния

других семейств. Насчёт ещё двух семей у меня нет точной информации, а слухами не хочу вводить вас в заблуждение. Что касается Лански, на самом деле его фамилия Сухомлянский, он ещё больший мой земляк, чем вы, потому что является уроженцем Гродно. По приезде в США их фамилию укоротили, так они стали Лански. Мейер вместе со своим дружкой Багси Сигелом возглавляет еврейскую мафию, если можно так выразиться. Занимаются тем же, что и итальянцы. – В лице Лейбовица мелькнуло что-то вроде легкого презрения.

Ага, видно, не по душе ему, что сородичи встали на несправедный путь. Но я этого самого Лански мог оправдать, человек решил не выживать, а жить в своё удовольствие, наверняка при этом помогая единоверцам. И я далеко не был уверен, что методы работы еврейской мафии были столь же жестокими, как и у итальянцев, о которых столько было писано-переписано.

– А вы, Абрам Моисеевич, неплохо осведомлены для простого антиквара.

– Так ведь, как писал ваш Ленин, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

– Вы и Ленина читали?

– У меня имеется собрание его сочинений, – самодовольно усмехнулся Лейбовиц. – Собирал нелегально, иначе меня сочли бы коммунистом.

– И не боитесь мне об этом рассказывать?

– Не боюсь, есть в вас что-то, какой-то стержень. Знаете что, а вы мне понравились.

– Да ну! – позволил я себе лёгкую иронию.

– Я говорю серьёзно. Мы, евреи, народ в массе своей подозрительный, но вы сумели произвести на меня впечатление. Если только это не хитро разыгранная комбинация с подставными грабителями... Не перебивайте, молодой человек. Верю, что это не розыгрыш. Если у вас и имеется артистический талант, то те парни – совершенные олухи. Либо это будущие Гарольды Ллойдс[7 - Ллойд Гарольд Клейтон (1893–1971) – американский актёр и кинорежиссёр, известен

своими немymi комедиями.], в чём я сильно сомневаюсь. Да и какой смысл меня дурачить? Втереться в доверие? Считайте, вам это удалось, вот только я не столь богат, как некоторые думают, и почти всю имеющуюся наличность предпочитаю держать в банке. – Антиквар проворно вскочил, снова исчезнув за ширмой, послышался скрежет проворачиваемого в замочной скважине ключа, и вскоре он появился, держа в руках кинжал в ножнах старинной работы. Сел, вынул клинок из ножен, покрутил в руках, любясь узорами на чуть потемневшем от времени, изогнутом лезвии. – Тринадцатый век, кинжал-хаджар, такой обычно входил в экипировку арабского конного воина. Этот же принадлежал лично Саладину. Саладин, он же великий полководец Салах ад-Дин, он же Юсуф ибн Айюб, является основателем династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом. Вы должны понимать, что обошёлся кинжал мне... Ну, не важно во сколько, но достаточно дорого. Подержите в руках. Чувствуете, как в нём кипит сила столетий? Можно только догадываться, сколько жизней он унёс, сколько на нём крови, потому что Саладин не чурался лично вести за собой отряды своих подданных в битвы против крестоносцев.

Честно говоря, я ничего не чувствовал, кроме волнистых узоров под пальцами. Но, чтобы потрафить старику, важно кивнул, соглашаясь, и вернул оружие владельцу.

– Так вот, возраст, как вы понимаете, у меня уже достаточно солидный, в следующем году шестьдесят пять стукнет, – продолжил Абрам Моисеевич, которому я с ходу дал не меньше семидесяти. – Родственников в Нью-Йорке у меня нет. Обе сестры разъехались за мужьями, а семьёй я так и не обзавелся. В то же время одному управляться в лавке стало трудно. Я давно задумывался о том, чтобы взять помощника, но это должен быть человек, которому я смогу доверять, и уж точно не мальчик. Отлучаться из лавки я часто не могу, тогда как нередко ситуация складывается таким образом, что нужно куда-то отъехать. Например, сейчас в Лос-Анджелесе меня ждёт покупатель как раз на этот кинжал. Перед покупкой он хочет лично осмотреть товар, а лететь ко мне ему, видите ли, недосуг. Сумма очень приличная, в несколько раз выше той, что я за него отдал. Но я не совсем уверен в надёжности покупателя, поэтому до сих пор оттягивал эту поездку. Теперь же хочу вам предложить побыть в этой поездке моим телохранителем, за это вам перепадет пять процентов от суммы сделки.

– И сколько это будет в долларах?

– Хм... Вы деловой человек, Ефим. Хотя, что я, собственно, вы всё равно произвели бы в уме вычисления и поняли бы, что общая выручка равняется десяти тысячам долларов. То есть ваши – пятьсот долларов. Согласитесь, сумма для вчерашнего заключённого немаленькая. А в дальнейшем, если всё пройдёт нормально, я устрою вас своим помощником. Будете выполнять кое-какие мои поручения. Ну как, согласны?

– Почему нет? Предложение и впрямь выгодное. Спасибо, что решились взять меня в дело. Единственное но – повторяю: у меня пока нет документов. А без них, сами понимаете, особенно не попутешествуешь.

– Действительно, – опять почесал свой нос Лейбовиц. – Официально вам паспорт никто не выдаст, даже на вымышленное имя, вас сразу сдадут в полицию. А знаете что, я сведу вас со своим хорошим знакомым. Зовут его Аарон Мендель, тоже эмигрант, правда, из Польши, хотя тогда, когда он уехал, она ещё входила в состав Российской империи, так что и с ним можете говорить по-русски[8 - Современный русский язык распространился на территории Центральной и Восточной Польши в конце XVIII в. после разделов Речи Посполитой и был единственным государственным языком Царства Польского. После 1875 г. в период наиболее интенсивной русификации Польши судопроизводство в стране было переведено на русский язык, хотя польский по-прежнему ограниченно использовался в школах для религиозного преподавания, а также повсеместно в устном общении и частной переписке.]. Он дантист, и его частная практика находится под защитой людей того самого Мейера Лански, о котором я вам рассказывал. Он им платит – они его охраняют. Может, Аарон сумеет как-то помочь решить этот вопрос. Вы не против? Тогда я сейчас же с ним созвонюсь из своего кабинета, а вы пока посидите здесь.

Через десять минут Лейбовиц вернулся с торжествующей улыбкой на тонких губах.

– Ну что ж, Аарон ждёт нас через час, у него как раз в семь вечера закрывается частная практика. И я заодно с вами прогуляюсь, навещу старого знакомого.

Аарон Мендель практиковал в таком же тихом переулке на Амстердам-авеню, недалеко от Центрального парка. По пути я избавился от браунинга, который до этого покоился в кармане пиджака. Не знаю уж, палёный ствол или нет, но лучше не рисковать, тем более у меня имелось своё оружие, на территории США точно нигде не засветившееся. Так что я при первой же возможности зашвырнул

пистолет в озерко на территории Центрального парка, который мы миновали по пути к дантисту.

К нашему приходу очередной представитель древнейшей нации успел спровадить последнего на сегодня клиента и помощницу – она же секретарша – и лично встречал нас на пороге своей маленькой клиники.

С Лейбовицем они обнялись как старые друзья, каковыми, собственно, и являлись, даже чмокнули друг друга в щёки, общаясь, похоже, на иврите или вообще на идише. Мне же Мендель учтиво поклонился, на неплохом русском приглашая пройти внутрь.

– Присаживайтесь, молодой человек, – кивнул он на зубо врачебное кресло.

– Да я...

– Садитесь, я вам говорю. Сначала я должен убедиться, что с вашими зубами всё в порядке, а после этого мы уже поговорим о ваших делах.

Не сказать, чтобы я панически боялся стоматологов, тем более всё лечение зубов в моё время уже проводилось под местным наркозом. Но некий трепет я всё же испытывал. Сейчас же, глядя на разложенные передо мной на столике инструменты и дедушку бормашин будущего, я невольно содрогнулся. Об анестезии в эти годы вряд ли имели представление.

Опустившись в обитое потёртой кожей кресло, я оказался в полулежачем положении. Надо мной вспыхнула яркая лампа, и я невольно зажмурился.

– Ну-с, – по старорежимной привычке произнёс дантист, – открывайте пошире рот... А у вас неплохие зубы! И кто вам ставил пломбы? Из какого они материала?

Не буду же я рассказывать, что три акриловые пломбы мне обошлись в семь тысяч рублей каждая. Поэтому наскоро придумал версию о хорошем одесском стоматологе, лечившем первых лиц города, к которому меня привели по блату и работа которого мне обошлась в общей сложности в десять рублей. А уж что он мне там ставил, никакого понятия на данный счёт не имею.

– И всё же странно, я подобного ещё не встречал, хотя и слежу за всем новым в этой сфере, – продолжал удивляться дантист. – А нижняя семёрочка у вас всё же требует небольшого ремонта. Если сейчас не запломбировать, через пару месяцев начнёт побаливать. Не бойтесь, за одну пломбу я с вас денег не возьму, это вам от меня скромный подарок.

Таким образом, после примерно пятнадцати минут пытки я стал обладателем пломбы из амальгамы. Когда я, насквозь вспотевший, наконец покинул зубоврачебное кресло, мы втроём перешли в кабинет, обставленный вполне прилично, где расселись по удобным креслам. Хозяин тут же разлил по рюмкам сорокаградусный напиток из изюма под названием «пейсаховка», причём в количестве трёх экземпляров.

– И мне можно? – спросил я.

– В качестве антисептика немного можно, – кивнул дантист. – Но всё же пару часов рекомендую не употреблять горячего.

Когда мы вкусили чуть сладковатой водки с карамельным запахом, перешли к делу.

– Итак, Абрам по телефону в общих чертах рассказал мне вашу историю и как вы героически спасли его от грабителей, – без доли иронии произнёс Мендель. – Хотя, Абраша, я тебе уже не раз говорил, что телефонные разговоры могут прослушиваться, а ты все мои советы пропускаешь мимо ушей.

– Да брось, Аарон, кому нужен скромный антиквар? Ты лучше скажи, как нам снабдить молодого человека документами, пусть даже поддельными, но хорошего качества?

– Может, нашему другу попросить политического убежища? После революции в Соединённые Штаты хлынула волна белоэмигрантов, и многие из них стали обладателями так называемых нансеновских паспортов[9 - Нансеновский паспорт – международный документ, который удостоверял личность держателя, и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства.]. Правда, пока не все страны их признали, но сути дела это не меняет. Можно попробовать обратиться в пункт приёма иммигрантов на острове Эллис[10 - Остров Эллис, расположенный в устье р. Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым

крупным пунктом приёма иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 г. по 12 ноября 1954-го. Ныне остров – собственность Федерального правительства США, находится под юрисдикцией Службы национальных парков США.]. Это по соседству с островом Либерти, где стоит статуя Свободы. Не исключено, что там смогут решить ваш вопрос.

– Но всё же существует риск, что меня могут отправить обратно в СССР?

– К сожалению, ничего нельзя исключать.

– Вот видите! А тем более если я тут буду жить под своим именем, на меня может начаться охота. Вспомнить хотя бы Троцкого...

– Льва Давидовича?

– Ну да.

– Вы считаете, на него охотятся?

Блин, а он что, ещё живой?[11 - Лев Троцкий был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером 20 августа 1940 г. в Мехико (Мексика) и на следующий день умер.] Надо было лучше учить историю, хорошо ещё не успел ляпнуть, что Троцкого зарубили ледорубом.

– Хотя мерзавец ещё тот, – неожиданно огорошил меня Мендель. – Ваша революция стала лакмусовой бумажкой, благодаря которой мы поняли, что и среди евреев попадаются поцы.. Я бы на вашем месте не переживал. Кто вы такой и кто такой Троцкий! Вы же обычный, хм, скажем так, уголовник, хотя на уголовника, по крайней мере манерой держаться и разговаривать, вы и не очень смахиваете.

– Всё же, мистер Мендель, я не хотел бы рисковать. Если есть возможность заполучить паспорт или водительские права на другое имя, это было бы здорово.

– Ну раз вы настаиваете... Хотя я слышал, что Лаки Лучано вплоть до своей посадки так и не являлся гражданином Соединённых Штатов, что не мешало ему

до поры до времени спокойно обстрипывать свои делишки на американской территории. Но если вы, Ефим, настаиваете, я, пожалуй, попробую что-нибудь для вас сделать. За посреднические услуги вы мне ничего не будете должны, а вот уж сколько запросят люди, с которыми я свяжусь, – большой вопрос. Вы вообще какой суммой располагаете?

– Э-э-э...

– На паспорт у него точно не хватит, – вклинился антиквар. – Но если документ будет всё же получен, то я за него заплачу сам. А вскоре нам предстоит дальняя поездка, и потом уже – не обессудьте, мистер Сорокин, – я вычту эту сумму из вашего гонорара.

– Тогда скрепим наш договор ещё одной порцией божественного напитка, – заключил дантист, снова разливая по рюмкам свою пейсаховку. – Опустошив рюмку, он спросил: – Ефим, так вы, значит, сбежали от чекистов, если Абраша меня не обманул. А он не такой человек, чтобы водить за нос своих друзей, одним из которых, надеюсь, я всё же являюсь. Сделайте одолжение, расскажите свою историю, если вас это не затруднит, а заодно поделитесь впечатлениями от жизни в советской России. Так ли всё страшно, как это пишут в эмигрантских газетах? Я на днях читал в «Новом русском слове», что у вас там даже Ежова расстреляли...

– Серьёзно?!

Вот это номер! Это что же получается, мой враг номер 1 мёртв? Недаром я не видел его портретов в Архангельске. И что же, мне теперь, выходит, некого опасаться? И не стоит ли задуматься о возвращении на родину?.. Нет, не стоит, потому что никто не мог дать гарантии моей безопасности. Я даже Сталину не доверял, хотя он вроде заинтересован в моём возвращении живым и здоровым. Сегодня ты нужен, а завтра тебя пустят в расход. Не для того я проделал такой путь, чтобы пропасть ни за понюшку табаку.

– Да, причём уже несколько месяцев тому назад, наверняка ещё до вашего отплытия в Штаты, – вывел меня из раздумий голос Менделя.

– Что ж, получил по заслугам, – констатировал я. – А что касается жизни в СССР... – В течение следующих десяти минут я вкратце изложил своё видение

жизни в Советском Союзе, которое, как оказалось, местами не совпадало с изложенным в эмигрантских газетах.

Ещё несколько минут мы обсуждали новый порядок на территории бывшей Российской империи, после чего Лейбовиц решил, что настало время прощаться.

– И кстати, Аарон, помнишь, в последний раз ты мне проиграл партию в шахматы? Не хочешь отыгаться?

– Хочу, Абраша, и сделаю это в ближайший Шаббат.

– Тогда в эту субботу жду тебя у себя.

Глава 2

Абрахам Лейбовиц жил над своей лавкой, этажом выше, в скромной двухкомнатной квартирке, которую можно было даже назвать полуторкой.

– Пока я вас поселю в маленькой комнате, – сказал мне антиквар, как только мы по возвращении от Менделя поднялись в его жилище. – Для вашего же спокойствия, потому что за ночь я несколько раз посещаю уборную и не хочу мешать вашему сну. Простатит, знаете ли, как говорили у нас в России, старость – не радость... Ну а когда появится возможность – а она, надеюсь, скоро у вас появится, – снимете себе жильё, тут неподалёку сдают внаём недорого. А то я, знаете ли, привык к одинокой холостяцкой жизни, стараюсь в свою квартиру посторонних не пускать, вы – редкое исключение.

У меня создалось такое впечатление, что в эту угловую комнатку старый антиквар стащил всё, что не поместилось в кладовые его магазина. Самая настоящая лавка старьёвщика, просто глаза разбегались при виде всего этого бархла. Надеюсь, клопов и тараканов тут не водится.

Лейбовиц стянул с кровати покрывало и встряхнул его, подняв облачко пыли.

– Бельё, в общем-то, относительно свежее, – сказал он, возвращая покрывало на место. – Если ночью будет жарко, можете открыть окно. Заодно услышите, не перепиливает ли кто-нибудь витринную решётку. – Лейбовиц хихикнул, снова став в этот момент похожим на Плюшкина.

Кухня тоже была относительно небольшой, зато здесь имелись газовая плита и – барабанная дробь! – маленький, но настоящий холодильник! Внутри с разбегу я не стал заглядывать, это прерогатива хозяина, однако надеялся, что с голоду мы не умрём.

Санузел оказался совмещённым, причём возле унитаза был прикреплён рулон настоящей туалетной бумаги, на ощупь, впрочем, оказавшейся весьма сомнительного качества. Но всё же это лучше, чем газета.

Чугунная ванна на изогнутых ножках соседствовала с эмалированным умывальником. И там и там имелись краны с горячей и холодной водой, в чём я вскоре убедился, когда мне было разрешено совершить гигиенические процедуры.

Всё-таки какое это блаженство – иметь возможность возлежать в ванне, наполненной тёплой водой, и ни о чём не думать! Последний раз такое я мог себе позволить лишь в прошлой жизни. Положив под затылок мочалку, я закрыл глаза и погрузился в сладкую истому, которую спустя какое-то время нарушил деликатный стук в дверь.

– Ефим, – раздался голос Лейбовица с той стороны, – прошу прощения, что потревожил вас, но у меня уже готов ужин. И он может остыть.

– Хорошо, уже выхожу.

Я бы не отказался снова вкусить божественной пиццы от Филумены и её папаши, но мне было предложено чуть ли не вегетарианское меню, при виде которого я внутренне чертыхнулся. М-да, кусочком говядины в окружении зелёного горошка и шпината, пожалуй, не наешься. Даже лежавшая на тарелке маца, купленная, видимо, в какой-то кошерной лавке, не спасёт положения. Так и придётся ложиться спать голодным. Впрочем, бокал красного вина немного приподнял настроение, потому что напиток оказался на вкус совсем даже неплохим.

– Вино из Италии, – пояснил Абрам Моисеевич. – До тридцать третьего года в Штатах действовала поправка к Конституции, так называемый «сухой закон», и многие виноградники оказались вырублены под корень. Теперь понемногу винодельческая промышленность возрождается, но подавляющее большинство вин завозят из-за рубежа. Эту бутылку «Барбареско» мне подарил Сэмюель пару лет назад, привёз из очередного плавания.

Да уж, что в США чудили с «сухим законом», что у нас при Меченом все виноградники вырубili... А в итоге и там и там поняли, что бороться с этим бессмысленно. В конце концов, уж лучше водка, чем героин.

На следующее утро антиквар встал раньше меня и, пока я совершал гигиенические процедуры, успел подсутиться с завтраком. Яичница-глазунья из трёх яиц, тосты с маслом и чашка кофе вполне удовлетворили мой аппетит. Сам же старик, как выяснилось, успел откусать, ещё когда я спал, потому как встает не позднее шести утра, и вообще ему на сон в этом возрасте хватало пять часов.

– Каков у нас план действий на сегодня, Абрам Моисеевич? – поинтересовался я, когда с завтраком было покончено.

– Я спускаюсь в магазин, он открывается ровно в девять утра, то есть через пятнадцать минут, а вы, если есть желание, можете составить мне компанию. Но, думаю, вам будет скучно в обществе старика, предпочитающего в свободное время праздным разговорам штудирование старинных фолиантов. На вашем месте я поближе познакомился бы с Манхэттенем.

– Не бойтесь, что снова какие-нибудь придурки могут заявиться, угрожая вам пушкой?

– Снаряд дважды в одну воронку не падает, – хмыкнул Лейбовиц. – Если бы это были мафиози, то они просто поставили бы свои условия, сколько я им должен ежемесячно платить за покровительство. Но что с меня взять?!

Да уж, что взять с бедного еврея... Особенно после того, как он задвинет свой допотопный кинжал за вполне приличную сумму. Как антиквар только рискнул открыться едва знакомому человеку, то бишь мне? Видно, припёрло, не хотелось терять такой жирный кусок, а то, чего доброго, клиент взял и сорвался бы.

Получается, пока мы нужны друг другу, что на первых порах для меня весьма кстати, а дальше посмотрим.

– С удовольствием воспользуюсь вашим советом, мистер Лейбовиц, – сказал я. – Только, если вы не против, револьвер я оставляю дома, например, засуну под матрас. Не вижу смысла таскать ствол с собой весь день. Вряд ли вчерашние грабители попытаются меня выследить и пристрелить, а попадись я с оружием полицейскому наряду – проблем не оберёшься.

Хоть и без оптимизма во взгляде, но антиквар согласился с моим предложением. Большинство наличности я тоже оставил под ответственность Лейбовица, а сам с десяткой в кармане собрался побродить по улицам Манхэттена. Но прежде Лейбовиц порылся в куче барахла, сваленного в моей комнатухе, и вытащил на свет божий карманные часы на серебряной цепочке, которые вручил мне с таким видом, будто презентовал как минимум «кадиллак».

– Zenith, вторая половина девятнадцатого века, до сих пор идут минута в минуту, – просвещал меня антиквар, заводя часы. – Вон у вас на жилетке как раз пистончик под это дело, а цепочка вот здесь крепится. Ну вот, теперь вы более-менее похожи на джентльмена.

– Спасибо, сегодня вечером верну.

– Не стоит, это подарок от Абрама Лейбовица земляку.

Свою экскурсию я начал с небольшой, но уже сейчас всемирно известной улочки нижнего Манхэттена под названием Уолл-стрит, ведущей от Бродвея к побережью пролива Ист-Ривер. Церковь Троицы, как и спустя восемьдесят лет, всё так же стоит зажатой двумя огромными зданиями, одно из которых принадлежит нью-йоркской бирже. Миновал отель «Мэри-Хилл» на Парк-авеню, пробрался через кишачие народом 5-ю авеню и 42-ю улицу, задержался у кинотеатра «Лирика» с рекламой фильмов, среди которых была и афиша картины «Новые времена» с участием Чарли Чаплина. Судя по вывеске над окошком кассира, удовольствие на дневной сеанс стоило всего пятнадцать центов, а на вечерний – двадцать пять.

Кассирша – дородная женщина в казавшейся миниатюрной шапочке на пышной причёске – при моём появлении заметно оживилась.

– Здравствуйте, мистер, – проворковала она, мило улыбаясь. – Вам на какой фильм?

– Давайте на «Новые времена».

– А время?

– Ближе к вечеру.

– На девятнадцать ноль-ноль устроит?

– Вполне.

– Один билет или вы придёте с девушкой? – ещё шире расплылась в улыбке кассирша.

– Нет у меня девушки на данный момент, – столь же мило улыбнулся я. – Не хотите ею стать?

– Ах вы шутник, – хохотнула кассирша. – Я женщина замужняя.

– Ну тогда давайте один, – сказал я, протягивая в окошко мелочь.

Ну а что, гулять так гулять, тем более дёшево и сердито.

На Мэдисон-сквер я полюбовался знаменитым «утюгом», остановился у магазина скульптур на Уотер-стрит. Миновал поражающий грандиозностью воплощения Рокфеллеровский центр, про себя прикидывая, сколько же эта семейка кровососов вбухала в строительство... Мне, наверное, за всю жизнь столько не заработать.

Под железнодорожным мостом на Бэттери тоже кипела жизнь. Честно говоря, стало немного не по себе, когда над головой прогремели колеса состава, но из спешащих по своим делам обывателей никто и глазом не моргнул.

На углу 61-й улицы и 5-й авеню наткнулся на советское консульство. Что-то дрогнуло в моём сердце, я постоял пару минут болваном, затем предпочёл сделать ноги. Не хватало ещё попасться на глаза кому-нибудь из сотрудников. Вдруг мои приметы разосланы по всему миру? Хотя и притянутые за уши страхи, однако, свернув за угол, я почувствовал себя гораздо спокойнее. Надо будет – сам приду сюда и поговорю с кем полагается. Но только по своей воле.

Вновь пересёк 5-ю авеню, чуть притормозив у толстой негритянки из Армии спасения в старомодной шляпке и стоптанных башмаках. Перед ней лежал раскрытый чемоданчик, куда прохожие кидали мелочь, а женщина периодически звонила в колокольчик, била себя кулаком в грудь и кричала что-то о несчастных неграх, которым нужна помощь.

Чуть дальше трое чудаков с плакатами на спине и груди ходили кругом перед крыльцом какого-то заведения. Из написанного на плакатах можно было понять, что пикетчики добиваются справедливости, вот только какого рода, для меня осталось загадкой.

Добрался до Эмпайр-стейт-билдинг, поднялся на смотровую площадку. Бывал я здесь в 2012 году. Сейчас, понятно, многих зданий мегаполиса ещё нет и в помине, но всё равно зрелище впечатляло. Не удержавшись, я сунул в прорезь пятицентовик за возможность поглядеть в подзорную трубу, по мощности больше напоминавшую телескоп. В окна с такой высоты было трудно заглянуть, а вот то, что творилось во дворах домов и на улицах за несколько кварталов отсюда, я прекрасно видел.

Вдоволь насмотревшись видами Нью-Йорка, продолжил своё путешествие. Прошёлся по Бродвею, который даже днём производил впечатление. Нужно сюда как-нибудь вечером заглянуть. Остановился у газетного киоска на углу 32-й улицы и 3-й авеню, за три цента купил свежий номер «Нью-Йорк таймс», но пролистать его решил попозже. Например, за обедом. Здесь же продавалась жевательная резинка нескольких видов. Купил пару пластинок знакомой мне марки «Вригли». Думаю, после приёма пищи для профилактики кариеса в самый раз, хотя и не был уверен, что современная жвачка выполняет те же функции, что резинка из будущего. Там она вроде бы с ксилитом, а эта небось с сахаром. Впрочем, главное, чтобы помогла удалять из зубов остатки пищи.

А отобедать я вновь зашёл в полюбившуюся мне итальянскую пиццерию. Увидев меня, Филумена, весело щебетавшая с рассчитывавшимся по счетам клиентом,

буквально расцвела:

– О, мистер, это снова вы! Очень рада вас видеть! Неужто вам так вчера понравилась наша стряпня?

– Ещё как, синьорина Филумена, – радушно улыбнулся я в ответ.

– Что будете на этот раз? «Маринара», «Маргарита», «По-неаполитански», «Капричиозза», «Фунги», «Кальцо-не», «Четыре сезона», «Сицилийская», «Дьябола»...

В прежние годы я бывал в Италии, заходил в пиццерии, но названия особо не запоминал. Поэтому всё перечисленное у меня в голове тут же смешалось в какую-то кашу.

– Эй-эй, полегче, синьорина, я не настолько хорошо разбираюсь в итальянской кухне. Что ещё за «Дьябола»?

– С кусочками салями и острым калабрийским перцем.

– Нет, для острого перца я пока не созрел. А «Четыре сезона» что собой представляют?

– Пицца разделена на четыре части, каждая из которых означает одно из времён года. Весна – оливки и артишоки, лето – салями и чёрный перец, осень – моцарелла, зима – грибы и варёные яйца. Естественно, везде добавляются томаты.

– Тоже как-то мудрёно... Давайте что попроще, ну, например, как вчера.

– Тогда «Фунги»! Достойный выбор, мистер...

– Фил.

– Просто Фил?

«Простофиля», – усмехнулся я про себя.

Как же мне перевести фамилию? В переводе с английского слово «сорока» звучит как «мэгпай». Не нравится мне такой вариант, лучше уж просто «птица».

– Фил Бёрд, синьорина.

– Заказ принят, мистер Бёрд.

– И большой стакан кофе.

– Конечно, буквально пару минут, – обворожительно улыбнулась Филумена, исчезая за стойкой.

В ожидании заказа я раскрыл газету. Моих познаний в английском хватало, чтобы более-менее сносно перевести изложенное на чёрно-белых страницах. Как обычно, самое интересное было в конце. Например, афиша матча-реванша между Джо Луисом и героем Третьего рейха Максом Шмелингом. Поединок должен был состояться 22 июня 1938 года на стадионе «Янки». Знаковая дата, через три года фашисты нападут на СССР, если что-то не сдвинется в этой ветке истории. А может, уже и сдвинулось, достаточно вспомнить досрочный расстрел Ежова.

В «Нью-Йорк таймс» описывалась встреча Джо Луиса с президентом США Рузвельтом, который напутствовал темнокожего боксёра словами: «Страна нуждается в твоих мускулах, чтобы победить Германию».

Боксом я когда-то увлекался всерьёз, в том числе и его историей, а уж о противостоянии Луиса и Шмелинга знал почти всё. В том числе и то, что в матче-реванше Шмелинг будет нокаутирован уже в первом раунде. Хм, имея такие знания, почему бы не сделать ставку? Другое дело, что, насколько я помнил, букмекерство в США было разрешено только в штатах Невада и Нью-Джерси. Нью-Джерси начинался не так уж и далеко, по ту сторону Гудзона, отделявшего его от штата Нью-Йорк, на территории которого я сейчас пребывал.

– Ваша пицца и кофе, мистер Бёрд.

– Что? А, спасибо, – улыбнулся я девушке, взял кусок пиццы и, механически её пережёвывая, снова вернулся к чтению.

Через пять минут я задумчиво почёсывал трёхдневную щетину (последний раз я брился ещё на корабле взятой в аренду у Уолкера бритвой): как бы поиметь прибыль с предстоящего боя? Этот вопрос я обсудил с Филуменой и вскоре выяснил, что и впрямь на официальном уровне букмекерство запрещено, даже в Нью-Джерси, а подпольные букмекеры все поголовно находятся под патронажем итальянцев. Но адреса этих контор она не знает. Да и знала бы – не сказала, подумал я, покидая заведение. Мало ли, вдруг под личиной приятного посетителя скрывается полицейский агент.

После перекуса я закинул в рот пластинку жвачки. А ничего так на вкус, очень похоже. В ближайшие восемьдесят лет он не сильно изменится. А тут ещё вкладыш с фотографией бейсболиста, судя по мелкой подписи, Джо Ди Маджо из «Янкиз».

Время уже, судя по карманным часам, приближалось к трём часам дня, а ноги мои устало гудели. Хорошо, ботинки оказались качественными, в будущем такое качество стоило бы на порядок больше, чем в это время. Между тем до сеанса оставалось ещё почти четыре часа. Делать было нечего, и я решил смотаться в антикварную лавку, по пути заглянув в галантерею, где разжился зубной щёткой, опасной бритвой и помазком.

– Ну как, молодой человек, нагулялись? – поинтересовался Лейбовиц, когда я переступил порог магазина.

Я вкратце пересказал маршрут своего путешествия, посетовал, что, может, стоило бы купить билет на фильм Чаплина и для антиквара, но Лейбовиц только махнул рукой, мол, он уже стар для такого рода досуга. После чего выпросил у меня газету, которая торчала из кармана, и принялся изучать содержимое свежего номера «Нью-Йорк таймс».

– Мистер Лейбовиц, а как вы относитесь к боксу? – отвлёк я его от чтения.

– В юности относился хорошо, а что? – поинтересовался антиквар.

– Да у меня имеются кое-какие сведения относительно исхода будущего поединка между Джо Луисом и Максом Шмелингом, который пройдёт 22 июня на стадионе «Янки». Подумал, неплохо было бы поставить на победителя.

– Вы что, хотите связаться с подпольными букмекерами?

– А почему бы и нет? Надеюсь, там не принято кидать, то есть обманывать?

«Не Россия же 90-х», – чуть было не добавил я, но вовремя сдержался.

– Честно говоря, на вашем месте ради призрачного выигрыша я всё же не спешил бы ввязываться в такого рода сомнительные предприятия.

– Да бросьте, Абрам Моисеевич, кто не рискует – тот не пьёт шампанское. Тем более какой тут риск, если дело поставлено на поток, зачем людям портить своё реноме?

Антиквар на какое-то время задумался, затем с решительным видом свернул газету в трубочку.

– Знаете что, Ефим, мне сегодня звонил Аарон. Естественно, разговор проходил в завуалированной форме, поскольку наш друг по-прежнему одержим манией преследования. Так вот, он по еврейской линии договорился с нужными людьми, которые за пятьдесят долларов согласны сделать вам документы. Я записал для вас адрес и имя человека, которого вам нужно будет там завтра спросить. Но ехать придётся в Нижний Ист-Сайд, и я бы посоветовал вам на всякий случай прихватить свой револьвер.

– Не стоит лишний раз светить ствол, Абрам Моисеевич. Не думаю, что дойдёт до перестрелки.

– Дело ваше. Одним словом, у людей, которые займутся вашими документами, вы можете и поинтересоваться относительно подпольных ставок. Они наверняка в курсе. Однако, насколько я понимаю, за документы вы отдадите последние деньги? У вас наберётся такая сумма?

– У меня есть сорок восемь долларов, – быстро произвёл я в уме пересчёт своей наличности.

– Ну, пару долларов я вам добавлю, да и на трамвай тоже. Но с чего тогда вы собираетесь делать ставку на победителя боя? Конечно, есть вариант, что после возвращения из Лос-Анджелеса ваше благосостояние значительно улучшится, тем более что вернуться мы должны уж точно до 22 июня. Но кто знает, как сложится, я не могу со стопроцентной уверенностью гарантировать успех нашего предприятия.

М-да, вот этот вопрос я как-то не учёл. Грустно вздохнув, я откинулся на спинку антикварного кресла и прикрыл глаза. Что ж, можно и подождать, думаю, ставки будут приниматься до последнего дня. Из лёгкой задумчивости меня вывел голос Лейбовица:

– Ну, если вам очень не терпится, могу ссудить в долг некоторую сумму. Вам сколько нужно?

– Если дадите займы долларов сто, буду весьма признателен.

– Гм, сто долларов... Тогда завтра, как соберётесь в Ист-Сайд, напомните, а то я на свою память не полагаюсь.

Тем временем нужно было выдвигаться в кинотеатр. По дороге я задержался возле чистильщика ботинок, и за пару центов парнишка лет двенадцати отдраил мою обувь до зеркального блеска.

Зал был рассчитан на две сотни зрителей, я, согласно билету, занял место на двенадцатом ряду, практически в середине. Моими соседями по левую руку оказалась супружеская чета с дочуркой лет пятнадцати, а справа примостилась благоухавшая духами и напoмаженная девица вместе со своим молодым человеком. Не успели в зале погасить свет, как они начали перешёптываться, пересмеиваться, слышался звук поцелуев... Минут десять я это терпел, затем шёпотом сказал:

– Молодые люди, вы мешаете другим смотреть фильм.

Парочка притихла и больше не мешала окружающим своими любовными ласками.

История маленького Бродяги, пытающегося выжить в новом индустриальном обществе во времена Великой депрессии, меня тронула. Почему-то вспомнилось моё не такое уж давнее прошлое в Союзе, и снова передо мной встало лицо Вари. Потом вспомнил сына, как-то он там, в будущем, без меня... Должен уже на четвертый курс перейти. Надеюсь, не бедствует. Но этого я, к сожалению, никогда не узнаю.

Сообразив, что глаза уже на мокром месте, я сделал над собой усилие, при этом всё-таки шмыгнув носом. С возрастом, что ли, становлюсь сентиментальнее... Соседи справа не выдержали, хихикнули, видимо, подумали, что на меня так подействовал сюжет близящейся к финалу картины. Ну и плевать я хотел.

На следующее утро даже без напоминания Лейбовиц с бесстрастным лицом выдал мне сто десять долларов.

– Мир не знал ещё более доверчивого еврея, – криво усмехнулся он. – Надеюсь, эта сумма как минимум удвоится.

– Более чем уверен, не исключено, что и утроится. В любом случае половина выигрыша ваша.

– Да бросьте...

– Возражения, Абрам Моисеевич, не принимаются.

Через пятнадцать минут я неторопясь двигался в сторону Ист-Сайда, ограниченного на севере рекой Гарлем, на юге – 1-й улицей, на западе – 5-й авеню, на востоке – проливом Ист-Ривер.

Да, здесь народ жил не в пример скромнее, чем в лучших домах Манхэттена. В своём прикиде я выглядел чуть ли не буржуем. На одной из улиц полуголая ребятня прыгала в струях воды, бьющей из пожарного гидранта. Напомнило моё детство, когда мы бегали рядом с поливальной машиной.

– Эй, не безобразничайте!

Появившийся откуда-то полицейский, для виду погрозив дубинкой, затянул вентиль на гидранте.

– Ещё раз увижу – надеру задницы, – объяснил он погрустневшей мелюзге. – И родителям вашим нажалуюсь.

Мне нужно было попасть на Аллен-стрит, в фотостудию некоего Изи Шмейхеля, чья фамилия напомнила об известном датском вратаре из будущего. Люди попадались разговорчивые, самых разных национальностей, с радостью советовали, как лучше дойти, где можно срезать, а куда лучше не соваться. Например, одна добропорядочная женщина с окружностью талии около метра порекомендовала обойти стороной Чайна-таун, заселённый эмигрантами из Китая. Мол, там запросто ограбят чужака, зарежут, и следов не найдёшь.

Фотостудия Изи Шмейхеля, рекламировавшая себя неброской вывеской, располагалась в подвальчике жилого дома, от которого к соседнему были протянуты десятки верёвок с сушившимся бельём на высоте, недоступной мелкому жулью. Невысокий, худощавый хозяин студии, с щёточкой усиков под мясистым носом, при моём появления сразу же встрепенулся:

– Что желаете, мистер? Портрет, фото на паспорт, водительские права или, быть может, выездную фотосессию на лоне природы в окружении членов семьи?

– Я от Аарона Менделя.

На мгновение Изя задумался, нахмутив густые чёрные брови, затем черты его лица разгладились.

– Ах, от Аарона! Так это вы, значит, тот самый русский, которому нужны документы! Что ж, прошу, присаживайтесь вот сюда.

– Вы уже собираетесь меня фотографировать?

– Не вижу смысла тянуть резину... Секунду, я ваш галстук поправляю. Теперь замерли, не шевелимся, не моргаем, не дышим, смотрим вот сюда... Отлично!

– Спасибо! Сколько с меня?

– Пятьдесят долларов, я озвучивал Аарону сумму.

Я протянул фотографу пять десятидолларовых бумажек, которые тут же исчезли во внутреннем кармане его пиджака.

– А что за документ мне дадут?

– Водительские права. Паспорт, наверное, вам ни к чему, половина населения страны живёт без паспортов, к тому же вы ведь не собираетесь в ближайшее время покидать пределы Соединённых Штатов? Да и обошёлся бы он в два раза дороже. Итак, на какое имя вы хотели бы документ? Поскольку вы русский, предлагаю особо не мудрствовать, выбирайте русские имя и фамилию. Сойдёте за эмигранта с двадцатилетним стажем, который подростком уехал из революционной России вместе с родителями.

– Я так молодо выгляжу?

– Выглядите лет на тридцать пять. Минус двадцать – как раз подросток, пятнадцать лет, пора расцвета, – с ностальгией вздохнул фотограф, видимо на мгновение окунувшись в воспоминания.

Тут я задумался. Вот почему Мендель и Лейбовиц не предупредили меня об этом заранее? Да и я хорош, что-то в последнее время у меня частенько гуляет ветер в голове. Тем не менее нужно что-то предлагать. И в этот момент я подумал: хватит, наверное, бегать и прятаться по углам. Почему бы не вписать в права мои настоящие имя и фамилию? Ежова на этом свете уже нет, к тому же сейчас в мире грядут такие перемены, что Сталину и его команде будет точно не до меня. И – словно в омут головой:

– Записывайте! Имя – Ефим, фамилия – Сорокин. Дату рождения надо? Тогда... – Я помедлил. Ладно, число и месяц пусть будут настоящие, а вот год, соответственно, с поправкой на минус восемьдесят лет.

– 12 декабря 1900 года.

– Записано, – чиркнул на клочке бумаги Шмейхель. – Так что заходите через три дня, ваши документы будут готовы.

– Хорошо, но у меня к вам ещё один вопрос. Не подскажете, где можно сделать ставку на исход боксёрского поединка?

– Отчего же, подскажу, – с готовностью согласился Шмейхель. – А лучше провожу. Вы тут человек новый, к вам могут отнестись с настороженностью, а меня уже знают, я в этом районе практически вырос.

Идти оказалось недалеко, через несколько минут мы спустились в такой же подвал, однако народу здесь было не в пример больше. В воздухе витал табачный дым, раздавались крики на английском, итальянском, вроде на идиш или иврите, и даже двое – судя по выправке, чуть ли не бывшие офицеры царской армии – общались на чистом русском.

Ставки от десяти долларов здесь делались в основном на лошадиные бега и бейсбол. Но на исход боксёрского поединка между Луисом и Шмелингом тоже можно было поставить, и уже вскоре я диктовал букмекеру свои имя и фамилию, протягивая две купюры с портретом 18-го президента США Уллиса Гранта. Причём здесь же принимались ставки на раунд, в котором тот или иной боксёр может победить нокаутом. Если угадывал и раунд, твой выигрыш увеличивался в несколько раз. Не угадывал – даже в случае верного исхода боя мог оказаться в проигрыше. Я не преминул этим воспользоваться, указав, что Шмелинг ляжет в первом раунде, на что букмекер удивлённо приподнял брови.

Как-то всё слишком просто, думал я, покидая заведение. Понятно, что приём ставок без документов мне в данный момент только на руку, но тем не менее...

Спустя три дня я стал обладателем новеньких водительских прав на имя Yefim Sorokin. С маленькой чёрно-белой фотографии с печатью в уголке на меня смотрел серьёзный мужик, в глазах которого трудно было что-то прочесть.

– Не отличить от настоящих, – довольно потирая руки, сказал Шмейхель.

Лейбовиц, посмотрев права, удивился:

– Вы же так переживали, что за вами могут начать охоту какие-то спецслужбы, а тут взяли и свои настоящие данные указали...

– Волков бояться, Абрам Моисеевич, в лес не ходить, – со вздохом махнул я рукой.

Антиквар, таким образом, был поставлен перед фактом, и далее он объявил, что завтра я еду в аэропорт покупать два билета на рейс Нью-Йорк – Лос-Анджелес и два билета на обратный рейс с тем расчётом, чтобы обернуться одним днём. Ну или двумя, что само собой подразумевалось, если ты вылетаешь вечером, как рекомендовал антиквар.

– Берите билеты на 26 мая, желательно на вечерний рейс, – напутствовал меня Абрам Моисеевич.

Билеты я приобрёл в ближайшем офисе «Американских авиалиний», до которого было идти всего пару кварталов. Два билета в один конец и два обратно на самолёте «Дуглас» серии DC-3, совершавшем регулярные пассажирские перевозки по этому маршруту, обошлись по тридцать три доллара каждый. Вылет должен состояться в 19:30 из аэропорта Ньюарка, расположенного в часе езды от Манхэттена, но номинально уже находящегося в штате Нью-Джерси.

Также я узнал, что полёт с Восточного на Западное побережье США должен занять порядка семнадцати часов, тогда как обратно можно было долететь всего за пятнадцать. Как оказалось, виной всему – встречный ветер, дувший преимущественно в восточном направлении.

По пути предстояло сделать три посадки для дозаправки. Однако... Хотя что это я тут удивляюсь, хорошо ещё, не на поезде путешествовать будем. При нынешних скоростях неделю тащились бы через весь континент.

Вечером четверга, 26 мая, мы вылетели из аэропорта Ньюарка. Погода благоволила, голубое небо лишь местами было расчерчено перистыми облаками. А вот комфортом в салоне и не пахло. Хотя по нынешним временам, наверное, даже такие тесные места с узким проходом считались явлением вполне обычным. Народ в эту эпоху был куда как менее избалованным, нежели в моё время.

Большая часть полёта проходила ночью, и из-за дозаправок выспаться толком так и не удалось. Трижды переводили часы, поскольку Восточное и Западное побережье разделяют три часа. Лейбовиц не расставался с маленьким саквояжем, в котором покоился тот самый кинжал, стоивший десять тысяч зелёных бумажек. Я же постоянно находился при антикваре в роли телохранителя, однако без огнестрельного оружия. Абрам Моисеевич меня проинструктировал, что досмотра багажа и ручной клади при посадке на самолёты не производится, а что металлодетекторов пока ещё не изобрели – это я и сам догадывался. Проверялось только наличие билетов и вес багажа. Если человек был очень толстым, то могли попросить его взвеситься. Проносили всё, что угодно, но за опасное поведение во время полёта уже существовали санкции. И пусть почти во всех штатах страны оружие можно было приобрести без лицензии, я решил не рисковать, всячески ограждая себя от возможного рода негативных последствий.

Аэропорт Лос-Анджелеса представлял собой весьма убогое зрелище. Это было просто лётное поле под названием «Майнес-Филд» с несколькими строениями, одно из которых и оказалось терминалом.

– Вчера я звонил пресс-секретарю мистера Уорнера, за нами должны прислать машину, – сказал Лейбовиц, от спящего солнца надвинув на глаза шляпу-федору. – О, а вот, кажется, и она!

К краю поля неторопясь подкатил «кадиллак» с открытым верхом, за рулём которого сидел щеголеватый водитель. Он вальяжно выбрался из автомобиля и, увидев, как мы приближаемся, сделал несколько шагов навстречу.

– Вы мистер Лейбовиц? – обратился он к моему партнёру.

– Да-да, это я, – несколько суетливо ответил антиквар. – А это – мой помощник, мистер Сорокин.

– Я – Тони, – представился водитель и кивнул на саквояж: – Вещей у вас при себе немного.

– Мы же сюда ненадолго, одним днём, у нас даже куплены билеты на вечерний рейс до Нью-Йорка.

– Что ж, надеюсь, за это время вы решите все свои дела. Прошу в машину.

Мы сели на задние просторные сиденья, напоминавшие обтянутый дорогой кожей диван, впрочем изрядно прогретый на голливудском солнце. Я тут же невольно начал крутить головой по сторонам, поймав на себе в зеркале весёлый взгляд Тони. Небось думает, мол, приехали из Нью-Йорка, типа крутизна... А самая роскошь – вот она, это вам не каменные джунгли вашего мегаполиса. Тут я с ним и не спорил бы, и впрямь здесь было на что посмотреть.

Мы миновали Беверли-Хиллз, где на Эльм-Драйв водитель показал нам «скромный» домик Сергея Рахманинова.

– Вон, видите, репортёры толпятся? Ждут, когда пианист выйдет из дома.

Что нам Рахманинов с его достаточно трудной для моего уха музыкой! Я вот с Утёсовым общался, этим и впрямь можно гордиться.

– Справа Китайский театр Граумана, – продолжал экскурсию Тони. – Там же Аллея Славы с отпечатками рук и ног всяких знаменитостей. – Сказал он это столь небрежно, будто на Аллее уже успели появиться и его отпечатки.

Далее начались более претенциозные постройки. Виллы, многие из которых, как выяснилось, принадлежали знаменитым артистам, режиссёрам и продюсерам, впечатляли, некоторые и вовсе напоминали дворцы.

– Здесь живёт Джудит Баррет[12 - Баррет Джудит – американская киноактриса, снимавшаяся в главных женских ролях с конца 1920-х и до начала 1940-х гг. Один из её творческих псевдонимов – Нэнси Довер.]. А вон там, за пальмами, особняк самого Кларка Гейбла[13 - Гейбл Кларк – американский актёр, кинозвезда и секс-символ 1930—1940-х гг., носивший прозвище Король Голливуда.]. А там жила Тельма Тодд[14 - Тодд Тельма – легендарная американская актриса первой половины XX в.], которую нашли мёртвой три года назад. Поговаривают, это была месть знаменитого гангстера Лаки Лучано за то, что она отказалась с ним встречаться, – понизив голос, как бы по секрету добавил Тони.

Мой взгляд тем временем зацепился за видневшиеся на холме справа огромные белые буквы: HOLLYWOODLAND. Вот не знал, что в это время в знаке Голливуда

ещё присутствовали четыре лишние буквы.

– Абрам Моисеевич, а что это за Уорнер, к которому мы едем? – по-русски негромко задал я антиквару мучивший меня всё это время вопрос.

– Джек Леонард Уорнер[15 - Уорнер Джек Леонард – американский и канадский продюсер и киномагнат еврейского происхождения, который был президентом и «движущей силой» студии Warner Bros, в Голливуде. Вместе с братом Сэмом создал первый в истории звуковой фильм «Певец джаза». На протяжении своей карьеры считался противоречивой и загадочной фигурой. Уорнер выступал против европейского фашизма и критиковал политику нацистской Германии задолго до вступления Америки во Вторую мировую войну. Будучи противником коммунизма, после войны Уорнер давал показания в качестве «дружественного свидетеля» перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, добровольно называя имена сценаристов, которые затем были уволены по подозрению в том, что были коммунистами или сочувствующими им.] является одним из сооснователей компании «Уорнер Бразерс», – так же негромко ответил антиквар. – Их, кажется, было четверо братьев, имена остальных я не помню. Один вроде несколько лет как умер. Причём – я навёл кое-какие справки – Джек Уорнер ведёт жестокую борьбу с двумя здравствующими братьями за контроль над компанией. Для евреев, где семейные узы ставятся во главу угла, подобное, согласитесь, неприемлемо.

Вот ведь, куда ни плюнь, подумал я, обязательно в еврея попадешь. Но что любопытно, все они на моей памяти оказывались при деле. Ни разу не встречал еврея-бездельника или еврея-алкоголика, что у нас, славян, к сожалению, далеко не редкость.

«М-да, скучный он, богоизбранный народец, не умеют развернуться от души и порвать на груди рубаху, всё какие-то делишки обделывают», – с грустной самоиронией подвёл я черту своим размышлениям.

– Оказалось, мистер Уорнер также является большим любителем старинного холодного оружия, – продолжил Лейбовиц. – Как-то вышел на меня, хотя я не очень и афишировал, что у меня имеется такой кинжал, мне звонил его пресс-секретарь. А сегодня, наверное, мы с Уорнером увидимся лицом к лицу, хотя даже если этого и не случится, я не очень расстроюсь. Для меня главное – удачно совершить сделку.

Тони на нас в зеркало поглядывал неодобрительно. Мало того что прервали его монолог о красотах Голливуда, так ещё и болтаем на незнакомом языке, в котором периодически звучит имя его босса.

Мы въехали на территорию утопающего в зелени особняка – очередного небольшого дворца о двух этажах с американским флагом на крыше и фонтаном перед фасадом. «Кадиллак» притормозил у крыльца, на котором тут же появился молодой человек с прилизанными волосами.

– Как долетели, господа? – первым делом поинтересовался он.

– Спасибо, хорошо, – чуть приукрасил действительность антиквар.

– А кто это с вами, мистер Лейбовиц? Вы не говорили, что с вами будет кто-то ещё.

– Это... мой помощник, – запнувшись, ответил Абрам Моисеевич.

– Понятно, – хмыкнул встречавший. – Я – Адам Миллер, пресс-секретарь мистера Уорнера. Товар, надеюсь, при вас?

– Всё здесь, – потряс Лейбовиц саквояжем.

– Тогда прошу за мной, мистер Уорнер готов выделить вам полчаса.

Внутри всё дышало роскошью, в чём-то напомнив мне дворцы наших рублёвских нуворишей. Лепнина с позолотой, старинные гобелены, портреты мужчин и женщин в относительно современной и не очень одежде... В коридоре на стенах развешаны клинки старинных образцов, свидетельствовавшие об увлечении хозяина. Если Уорнер и еврей, то какой-то расточительный.

Продюсер ждал нас в зале, удобно устроившись в кресле. Закинув ногу на ногу, он попыхивал сигарой, держа в левой руке свежий номер «Лос-Анджелес таймс», свёрнутый посередине, а пальцами правой почёсывая за ухом прилегшего рядом здоровенного дога, который на наше появление отреагировал лишь равнодушным взглядом.

– А-а, приехали, – вынув сигару из зубов, прокомментировал Уорнер и кивнул на диван у стены. – Присаживайтесь. Адам, возьми у мистера Лейбовица кинжал, хочу рассмотреть его поближе. И заодно кликни сюда мистера Квинси.

Однако... Мог бы ради приличия поднять из кресла свою задницу и пожать нам руки, не говоря уже о том, чтобы предложить гостям с дороги по чашечке кофе. Публика такого рода всегда вызывала у меня, мягко говоря, недоверие.

Уорнеру на вид можно было дать лет сорок пять. Холёный, с усиками, одетый в дорогой костюм, он олицетворял собой человека, сумевшего воплотить в жизнь американскую мечту. Сколько в своё время пересмотрел фильмов этой киностудии, но об её основателях ничего не знал. И вот представился случай лично познакомиться с легендарным продюсером. По идее, я должен испытывать священный трепет, однако в этой ситуации на удивление для самого себя оставался совершенно спокойным.

Заполучив оружие, продюсер не без волнения принялся его разглядывать, посверкивая примостившимся на мизинце золотым перстнем с крупным алмазом. Видно было, как горят глаза Джека Уорнера, когда взгляд скользил по узорам клинка.

Между тем в зале появился ещё один персонаж. Невысокий старичок в очках и с маленьким чемоданчиком в руках, поздоровавшийся с нами кивком, подошёл к продюсеру.

– Мой эксперт по старинному холодному оружию мистер Квинси, – пояснил Уорнер, протягивая ему кинжал.

Старик уселся за стол, извлёк из чемоданчика набор загадочных для меня инструментов, вооружился лупой и под светом настольной лампы приступил к изучению кинжала. Периодически он бормотал себе под нос что-то неразборчивое. Продюсер как ни в чём не бывало вернулся к чтению, а лоб моего компаньона покрылся мелкими бисеринками пота. Вот будет фокус, если кинжал окажется подделкой.

Минут через десять эксперт удовлетворённо крикнул, выпрямляясь, и молча принялся укладывать инструменты обратно в чемоданчик. Уорнер оторвался от чтения, вопросительно взглянул на мистера Квинси. Тот, возвращая оружие

боссу, кивнул, после чего, так и не проронив ни слова, исчез.

– Что ж, похоже, подлинность клинка подтвердилась, – констатировал продюсер. – А раз так, будьте добры получить причитающиеся вам деньги. Или вы, мистер Лейбовиц, предпочитаете чек на предъявителя?

– Лучше наличными, – прошептал Абрам Моисеевич, и кадык на его худой шее дёрнулся вверх-вниз.

Киномагнат сделал знак своему пресс-секретарю, тот скрылся за дверью, вернувшись через три минуты с серебряным подносом, на котором, аккуратно перевязанные, лежали пять пачек двадцатидолларовых банкнот.

– Здесь ровно десять тысяч, – сказал Адам, передавая деньги Лейбовицу. – Если сомневаетесь, можете пересчитать каждую пачку.

– Не стоит, такой человек, как мистер Уорнер, не обманет, – криво улыбнувшись в сторону дельца, слегка осипшим голосом ответил антиквар. – Мы можем идти?

– Конечно, я вас не держу, – с царственной благосклонностью кивнул хозяин киностудии. – Хотя...

Его оценивающий взгляд остановился на мне, отчего я почувствовал себя не совсем уютно.

– Ладная фигура, симпатичное лицо, взгляд такой... пронизательный. У вас неплохая фактура, мистер... – Он пощёлкал пальцами.

– Сорокин, – подсказал я.

Надеюсь, Уорнер всё же не любитель мальчиков, хотя и я уже, признаться, далеко не мальчик, но муж. В любом случае этому извращенцу ничего не обломится, кроме разве что пары хороших затрещин. И плевать на развалившегося у его ног дога.

– Так вы русский?

– Есть такое. После революции с родителями эмигрировал в США.

– Да, лёгкий акцент чувствуется... Но он же добавляет своего рода изюминку. Вы в кино никогда не снимались, мистер Сорокин?

Этот вопрос меня немного расслабил. Вон, оказывается, что за интерес у продюсера. Неужто хочет сделать из меня кинозвезду?

– Пока не доводилось. Честно сказать, не видел в себе актёрских способностей.

– Вы бы знали, скольких бездарей я сделал пусть не звёздами, но довольно известными актёрами, – хмыкнул Уорнер, вдавливая окурок сигары в пепельницу на стоявшем рядом столике. – Главное – умение подать, тут многое зависит от мастерства режиссёра и оператора. А в вас я вижу потенциал, поверьте моему чутью. Чем вы занимаетесь в Нью-Йорке?

– Хм... Пока помогаю мистеру Лейбовицу.

– То есть ерундой, – безапелляционно заявил продюсер. – Семья, дети?

– Э-э... Можно сказать, что никого нет.

– Ну а с женщинами вы как? Можете? Или предпочитаете мальчиков?

Вот паразит, как в обратную вывернул! Теперь уже я в роли подозреваемого. Чувствуя, что щёки краснеют, выдавил:

– По этой части всё в порядке, на мальчиков меня не тянет.

– Ну так как, не хотели бы пройти кинопробы? Мы готовим к производству фильм о гангстерах, вы могли бы сыграть в нём одну из ролей.

– Я подумаю над вашим предложением.

– Только думайте недолго, фильм уже, как говорится, на сносях. Адам, дай гостю свою визитную карточку. Будем ждать вашего звонка, мистер Сорокин. А пока

Тони отвезёт вас обоих в аэропорт.

По пути к «Майнес-Филд» мы молчали. И только когда попрощавшийся с нами Тони скрылся из виду, Лейбовиц спросил:

– Ну и что вы, Ефим, думаете по этому поводу?

– По какому именно, Абрам Моисеевич?

– По поводу предложения сняться в кино.

– Ах, вон вы о чём... Пока ничего не думаю, этот Уорнер меня порядком озадачил.

– В принципе, человек вы свободный, мне ничем не обязаны, так что можете устраивать свою жизнь в Америке, как вам заблагорассудится. Я всегда предпочитал держаться земли, у вас же появился шанс взлететь. Но и упасть потом можно больно.

– К тому же в ближайшее время мне нежелательно засвечивать своё лицо на всю Америку, – добавил я. – Ладно ещё, если достанется эпизодическая роль какого-нибудь мелкого гангстера, а вдруг режиссёру взбредёт в голову дать мне главную роль? И не дай бог копия фильма попадёт в СССР – что, правда, довольно фантастично – или здесь, в Штатах, картину увидит какой-нибудь засекреченный агент НКВД... Не то чтобы у меня мания преследования, однако не хочется лишний раз глупо подставляться.

– Слова разумного человека, – кивнул антиквар. – Кстати, не мешало бы перекусить. Пойдёмте к буфету, а после отойдём в сторонку, и я с вами уже, наконец, рассчитаюсь.

Глава 3

После всех расчётов в моём кошельке оставалось больше трёхсот долларов. 1 июня по наводке антиквара я отправился в «маленькую Италию» на Маллбери-стрит, где можно было относительно недорого снять жильё. Четырёхэтажный

доходный дом красного кирпича принадлежал итальянцу по имени Бруно Кастильо. На вид домовладельцу было лет под пятьдесят. Низенький, толстый, с густыми усами, он чем-то напоминал мультяшный персонаж из рекламы кетчупа. Итальянец был одет в широкие, державшиеся на подтяжках штаны, в рубашку с закатанными рукавами, котелок был сдвинут на затылок, а в мясистых губах торчала потухшая пожёванная сигара.

– Абрахама я знаю, хороший человек, хоть и еврей, – заявил Кастильо, глядя на меня с прищуром. – Он правильно сделал, что направил вас ко мне. У меня приличный дом, я не терплю грязи, драк и поножовщины, так что с соседями, думаю, вы поладите. Надеюсь, и от вас не будет проблем.

Однокомнатная квартирка была небольшой, но вполне уютной и, главное, относительно чистой. Однако недостаточно, так что, получив ключ в обмен на тридцать долларов – такой была месячная рента, – я сразу же попросил у Бруно веник и совок.

Маленькая кухонка, к сожалению, без холодильника, но с малюсенькой плиткой на две конфорки. Совмещённый санузел с фаянсовым унитазом, умывальником и душем со сливом в полу оказался тоже не таким чистым, как мне мечталось, здесь требовалась серьёзная уборка. Я не терпел антисанитарии, мне не хотелось подхватить грибок или вообще какую-нибудь кишечную палочку.

Направляясь в располагавшийся через дорогу маленький магазинчик, торговавший в том числе и чистящими средствами, я размышлял, существуют ли в США сейчас клининговые компании? Я бы заплатил пару долларов за нормальную уборку. Думаю, и не я один готов был платить за чистоту, чтобы не корячиться самому. А если таких компаний нет, то рано или поздно их создадут. Почему бы этого не сделать мне? Не бог весть какой бизнес, однако на хлеб с маслом должно хватать.

М-да, напридумывать сейчас можно много чего, только вот где взять стартовый капитал? Даже в банк не сунешься, на кредит нечего и рассчитывать. А потребуется минимум пара тысяч зелени, учитывая, что цены в современной Америке раз в десять ниже, чем в моё время. Соответственно, доходы также не в пример скромнее. Инфляция, мать её...

В магазинчике я приобрёл Dreft от фирмы Procter & Gamble, кусок глицеринового мыла для мытья и ещё кусок дегтярного для стирки белья, поскольку прачечной в подвале нашего дома не наблюдалось. Купил и большое махровое полотенце, вполне, кстати, качественное, не какой-нибудь китайский ширпотреб.

Вооружившись тряпкой и чистящим средством, раздевшись до трусов, через час я привёл сортир в надлежащее состояние. После чего с удовольствием принял прохладный душ, смывая с себя липкий пот начала июня. Бойлер, как меня предупредил Кастильо, включался только по вечерам, народ тут же принимался мыться и стираться, соответственно, в это время напор воды на моём третьем этаже резко ослабевал. Бельё сушилось на протянутых от нашего к соседнему дому верёвках. Крепились они на маленьких балкончиках и пожарной лестнице, что на нашем доме, что на доме напротив. Натянуты верёвки были по хитрой системе, когда, потянув за один конец, ты мог привести в действие всю конструкцию. Повесил бельё – сдвинул верёвку, повесил следующее – сдвинул снова. Что любопытно, обитатели дома напротив действовали по той же схеме, но при этом никто и не думал воровать соседское бельё.

Подавляющее большинство жителей нашего дома составляли итальянцы с редкими вкраплениями представителей других национальностей. И, к своему удивлению, среди аборигенов я обнаружил не кого иного, как Лючано Красавчика, того самого механика из порта. Столкнулись мы с ним вечером в подъезде, когда я собирался добежать до бакалейного магазина, а он шёл навстречу. Оказалось, что с женой и двумя маленькими детишками он снимал квартиру этажом ниже. Днём Лючано работал, а вечером, перед тем как вернуться в лоно семьи, любил в компании друзей-итальянцев пропустить стаканчик хорошего итальянского вина в кабачке неподалёку.

– О, не ожидал тебя здесь встретить! – воскликнул Лючано, трясая мою руку. – Неужели ты тоже снимаешь жильё в этом свинарнике?!

Мы проговорили минут десять, пока наверху не слышались шаги и на лестничной клетке не появилась молодая женщина.

– Лючано, я видела, как ты подходил к дому! Ты чего тут застрял?

– Карла, не видишь, я друга встретил! Иди, женщина, я скоро подойду.

Мы договорились встретиться на следующий день в том самом кабачке под названием «Лилия», чтобы пообщаться в более спокойной обстановке. За бокалом действительно неплохого вина выяснилось, что Лючано в порту не просто механик, а ещё и член профсоюза портовых работников.

– Профсоюзы в Америке – серьёзная сила, – уверял меня Лючано. – Мы, если захотим, можем организовать забастовку, и тогда весь порт встанет. Представляешь, какие убытки?! Поэтому хозяева порта поневоле вынуждены с нами считаться. А ты где трудишься?

Я рассказал о своей работе на старого антиквара, добавив, что оказался у Лейбовица по наводке его друга детства – капитана сухогруза, на котором приплыл в Штаты. Лючано поинтересовался, зачем я уплыл из России.

Подумав, я ответил:

– Понимаешь, по ложному обвинению засадили в лагерь, и там мне грозила смертельная опасность. Пришлось бежать. Сумел добраться до Архангельска, а там пробраться на американский сухогруз. Капитан меня пожалел, не стал высаживать, так я и приплыл в Нью-Йорк.

– А семья?

– Семьи у меня нет, но есть... скажем так, девушка, которая, надеюсь, меня любит и ждёт.

– Как её зовут?

– Зовут Варя, Варвара. Или по-английски Барбара.

Я достал маленькое фото и показал Лючано.

– Красивая. А почему она не хочет приехать в Америку, если, как ты говоришь, она тебя любит?

– Поверь, просто взять и выехать из СССР не так просто. Да и не знает она пока, что я перебрался через океан. Небось думает, замёрз её любимый в тайге.

Может, уже и замуж выскочила.

Лючано грустно покивал, затем задумчиво поглядел, как преломляются лучи светильника в красном вине, и сказал:

– Ты уж придумай, как можно поставить её в известность относительно твоего нынешнего положения. Может, она как-нибудь и сообразит, как можно выбраться из Советского Союза к своему жениху.

Случилось у меня и ещё одно интересное знакомство. На моём этаже жила семья индейцев из племени шайеннов. Гордый профиль краснокожего главы семьи, которого все звали просто Джо, напоминал киношного Гойко Митича. Впрочем, в отличие от экранного персонажа, этот индеец одевался вполне цивилизованно и даже несколько франтовато, учитывая неизменно торчавший из нагрудного кармана уголок платка. Костюм его, под которым угадывались крепкие мускулы, был скромным, однако всегда чистым и выглаженным. Работал Джо на почте, развозил по утрам на велосипеде корреспонденцию, получая за это семь долларов тридцать центов в неделю. Вся его зарплата уходила на оплату квартиры, поэтому ему поневоле приходилось подрабатывать вечерами разнорабочим в бакалейной лавке на соседней Бакстер-стрит. Там он получал по-разному, в зависимости от объёма работы, но меньше пары долларов со смены домой не приносил.

С его семейством я сошёлся уже в первый день, когда постучался к соседям с банальной просьбой одолжить немного соли. Картошки купил у лавочника с целью просто сварить её в оставшейся от предыдущих жильцов кастрюле, а о соли забыл, а на ночь глядя где её найти? Вот и набрался решимости, торкнулся сначала в соседнюю квартиру, но там никто не открывал, а через дверь открыли.

Открыла жена Джо, которую звали Амитола, что в переводе с языка шайеннов значило Радуга. Она и впрямь была светлым человечком, улыбка не сходила с её лица. Это была приземистая бабёнка с таким же гордым, как у мужа, профилем и смоляными волосами, заплетёнными в две тугие косы до пояса. Джо и Амитола воспитывали двух мальчиков четырнадцати и двенадцати лет и девочку семи лет. Все они теснились в такой же маленькой однокомнатной квартирке, как и у меня, но отнюдь не выглядели несчастными.

Джо в тот момент тоже был дома. Он как раз ужинал, вернувшись со второй работы. Английским Джо и его скво, как выяснилось, владели чуть хуже меня, но всё же мы вполне внятно с ними пообщались. Особенно кстати для налаживания контакта пришлось извлечённые из кармана леденцы, которые я раздал детям, а те сразу же засунули сладости в рот. Узнав, что я из России, Джо первым делом спросил:

– Это у вас ведь Ленин устроил революцию?

Позже выяснилось, что Джо втайне сочувствует коммунистам, которые ведут священную борьбу против капиталистов. Он бы и сам не прочь взять в руки оружие, отомстить буржуям за то, что загнали его народ в резервацию. Однако останавливает наличие семьи, не бросишь же жену и детей на произвол судьбы.

Вообще я как-то быстро подружился с Джо и его семейством, они стали приглашать меня в гости, и, чтобы и впрямь не подыхать дома вечерами со скуки, я стал к ним захаживать. Обычно с какими-нибудь недорогими съестными подарками вроде пирога из соседней пекарни. Ну и неизменными были сладости для отпрысков. Уже после первого визита растроганная Амитола предложила мне свои бесплатные услуги по глажке белья. Я настаивал на оплате, но она стояла на своём. Отказываться было глупо. Если на неглаженной простыне я мог спать спокойно, то разгуливать в мятом костюме считал признаком плохого тона.

Джо, естественно, свой костюм не носил постоянно. По дому индеец обычно ходил в безрукавке, поигрывая мускулатурой, и видно было, с какой гордостью поглядывает на него Амитола.

Обычно с Джо мы сидели на кухне, вели беседы на разные темы. Во время очередных кухонных посиделок мы пили на кухне чай, и Джо потягивал длинную трубку, пуская ароматный дым в открытое окно.

– А ты, Ефим, зачем уехал из своей страны? – спросил он меня как бы между прочим. – Из страны, в которой рабочие взяли власть в свои руки?

– Иногда, Джо, случаются ситуации, что приходится покидать родные края, – уклончиво ответил я. – Находятся люди, которые делают твоё существование там невыносимым, стараются отправить тебя за решётку без всяких на то

оснований. Думаю, ты меня поймёшь, вас вон тоже в резервации загоняют. Так что мой приезд в Штаты отнюдь не значит, что я не люблю свою родину, просто стоял выбор – либо я спасаю свою шкуру, либо подыхаю в СССР. Если представится случай, я готов помочь, но отсюда, из-за океана. Лучше расскажи, как ты стал городским жителем?

Выяснилось, что рос Джо в резервации, как и его будущая скво, которая была моложе соплеменника на три года. Раньше народ шайеннов обитал в северной части Великих равнин в районе Блэк-Хилл. После того, как в верхней части реки Арканзас был построен торговый пост Форт-Бент, большая часть шайеннов переселились на юг. Но некоторые, а среди них были и предки Джо, остались жить в верховьях реки Платт. Однако все эти годы между северными и южными шайеннами поддерживались дружеские отношения.

Но наступил 1851 год, с белыми людьми был заключён Ларамийский договор[16 - Ларамийский договор – договор о перемирии между вождями индейских племён и представителями правительства США, заключённый в 1868 г. в Форт-Ларами, штат Вайоминг.], и шайеннов загнали в резервации в штате Монтана.

Далеко не все смогли пройти Дорогой слёз[17 - Дорога слёз – этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев из их родных земель на юго-востоке США на индейскую территорию (ныне Оклахома) на западе США. По дороге индейцы страдали от отсутствия крыши над головой, болезней и голода, многие умерли. Вместе с индейцами на индейские территории переселилось множество негров – находившихся в рабстве, вступивших в брак с представителями индейских племён или просто беглых. В наши дни одноимённое название носит дорога, включённая в Систему национальных троп США с целью увековечивания американской истории.]. А в 1867 году конгресс принял «Закон о переселении индейцев в резервации». Отныне одним росчерком пера все индейские племена утрачивали свои исконные земли и должны были жить в резервациях, расположенных в пустынных и горных, удалённых от воды районах. Без разрешения американских властей ни один индеец отныне не смел покинуть свою резервацию. Редкие восстания только усиливали репрессии.

Так что родился Джо, в 1903 году, уже практически в голой степи, где пытались выжить остатки племени шайеннов. И неизвестно, какой стала бы его жизнь, если бы в их селении не объявилась некая миссис Смит. Это была не очень симпатичная по меркам индейцев женщина средних лет, но умная и добрая. Она организовала начальную школу, в которой обучала детей шайеннов чтению и

письму на английском, а также арифметике. Одним из учеников этой миссис Смит и стал паренёк по имени Кваху (в переводе Орёл), которого учительница для простоты звала Джо. Это имя индеец и взял себе, когда решил искать счастья в большом городе белых людей. А фамилию Смит в знак благодарности позаимствовал у своей учительницы. Ему повезло, он нашёл работу на почте, сумел адаптироваться к городской жизни и привёз в Нью-Йорк свою возлюбленную, которая родила ему троих замечательных детишек.

– Мой старший сын получит образование ещё лучше, чем я, – не без гордости говорил Джо, попыхивая трубкой. – Мы с женой откладываем понемногу ему на учёбу. С дипломом об окончании колледжа перед ним все дороги открыты.

– А второй сын и дочь, на них есть деньги?

Джо помрачнел, отвернувшись к окну. Сделав паузу, он сказал:

– Неплохо, само по себе, что они окончат обычную школу. Я в своё время и о таком мог только мечтать, думаю, они найдут свой путь в жизни. – И так уверенно посмотрел на меня, что в истинности его слов я не сомневался.

Говорили мы и о религии. Увидев в квартире Джо разукрашенный деревянный столбик с крыльями, символизирующий птицу, я спросил, что это значит. Оказалось, это тотем его племени, который охраняет семью Джо от невзгод.

– А ты в какого бога веришь? – спросил он меня.

– В своего, православного.

– В церкви бываешь?

Хм, и правда, что это я, мог бы хоть разок и в храм зайти. Наверняка в это время в Нью-Йорке имеются православные приходы. И уже на следующий день я шагнул по улицам бруклинского района Гринпойнт. Как же приятно было слышать практически повсюду русскую речь! Словно дома оказался. Правда, и польской хватало, но я на это уже почти не обращал внимания.

– Православный храм ищете? – переспросила встретившаяся по пути женщина, одетая вполне цивильно, а не в сарафан с кокошником. – Ближайший отсюда собор Преображения Господня.

Объяснила, как найти, и вот я уже стою перед собором, выстроенным в стиле византийского возрождения. Трижды перекрестившись по православному обычаю, переступил порог храма. Да и внутри всё привычно, как у нас, в России. Конечно, не рублёвский приход с иконами в золотых окладах, но тем не менее образов хватало, да и красивая настенная роспись притягивала взгляд.

В соборе как раз шла служба. Я нащупал пальцами деревянный крестик, подаренный ещё отцом Илларионом, прошептал следом за батюшкой слова молитвы. Когда действие закончилось, я купил свечи и поставил их у иконы Богоматери за здоровье родных и близких. Пусть они ещё не родились, но, думаю, если по чьей-то воле меня закинуло на восемьдесят лет назад, что иначе как чудом не назовёшь, то по этой же воле может сбыться моя просьба о здравии дорогим мне людям. Заодно слева от входа в храм на большой подсвечник поставил свечу за упокой тех, кто мне был дорог.

На выходе меня неожиданно на чистом русском окликнули:

– Господин, мистер... Можно вас?

Я обернулся. Цивильно одетому человеку было точно за пятьдесят. Аккуратные бородка и усы, пристальный взгляд из-под тёмных с лёгкой проседью бровей. Трость с серебряным набалдашником весьма шла к его костюму-тройке и шляпе, а по выправке в нём угадывался бывший военный.

– Разрешите представиться – Виктор Аскольдович Вержбовский, – сказал он, приподнимая тремя пальцами головной убор. – В прошлом пехотный подполковник Русской императорской армии.

– Ефим Николаевич Сорокин, – также приподнял я свою Федору. – Чем обязан?

– Я знаю всех прихожан нашего храма, а тут увидел новое лицо и заинтересовался. Дай, думаю, подойду познакомлюсь.

– Да, я нездешний, снимаю квартиру в итальянском квартале на Маллбери-стрит. В Америке я меньше месяца, а в православном храме бывать как-то ещё не доводилось, вот, решил, так сказать, восполнить пробел.

– А откуда прибыли в Соединённые Штаты, если не секрет?

Скажу ему, что из СССР, и могу попасть впросак. Вдруг он работает на советскую разведку? Хотя внешность вроде подтверждает его слова, мне он сразу показался из «бывших». Да и имя своё я уже назвал, теперь даже если я придумаю левую историю своего появления в Новом Свете, агент НКВД по своим каналам всё равно узнал бы, кто такой Ефим Сорокин.

– Из Советского Союза, – глядя в глаза собеседнику, ответил я твёрдым голосом.

– Ого, а по какой линии?

– По уголовной.

Новый знакомый вздёрнул брови, выражая немой вопрос. Я же просто пожал плечами.

– Ну, я не сказал бы, что вы похожи на уголовника... Слушайте, если у вас есть время, давайте заглянем в одно неплохое заведение, здесь неподалёку, да и пообщаемся в более приватной обстановке. Не ресторан «Медведь» на Большой Конюшенной, где я любил бывать во времена оные, однако, смею вас заверить, вам придётся по вкусу.

«Неплохое заведение» оказалось трактиром «Русь», и по пути я понял, что трость у Вержбовского не для форсу. Он слегка прихрамывал на правую ногу, что, впрочем, не мешало ему сохранять выправку.

В трактире пока ещё не было той аляповатости в стиле а-ля рюс, свойственной эмигрантским кабакам будущего. Всё дышало дореволюционной Россией, как я её себе представлял, включая полового с прилизанным пробором и полотенцем через руку, который учтиво раскланялся сначала с моим знакомцем, которого, видно по всему, хорошо знал, а затем со мной.

– Я угощаю, – предупреждая поднял руку Вержбовский, когда я попытался заглянуть в меню. – А относительно выбора можете положиться на меня.

Спустя пять минут на нашем столе стояли графинчик с запотевшей «Смирновской», тарелки с солёными огурчиками и квашеной капустой, блюдо с половинками варёного картофеля, посыпанного зеленью и политого топлёным маслом, тарелочка с тонкими ломтиками сала в розоватых прожилках мяса, маринованные грузди, ломти ноздреватого белого хлеба с хрустящей корочкой... Я невольно сглотнул слюну, что не укрылось от намётанного глаза Вержбовского.

– Предлагаю выпить за наше знакомство, – поднял он свою рюмку, и я проделал то же самое.

Закусив, Виктор Аскольдович закурил сигару, и только после этого перешёл к интересующему его вопросу:

– Что ж, Ефим Николаевич, не изволите ли поделиться своей историей? Начало её, во всяком случае, меня очень заинтриговало.

– Отчего же, поделюсь в общих чертах. Началось всё в Одессе, где я работал докером, хотя по жизни мне пришлось сменить немало профессий, но все они, сразу предупреждаю, были легальны. Повоевать, кстати, по молодости не удалось, я вообще человек мирный. Но только если меня не трогают. Меня или моих близких, – уточнил я. – А тут получилось, что как-то вечером мы с моей знакомой решили посидеть в кафе, где у меня и случился конфликт с группой молодых мерзавцев. Словом, за то, что заступился за девушку и слегка покалечил сына местного партийного начальника, мне присудили шесть лет лагерей. Отбывать срок отправили в Коми, а там у меня вышло недоразумение с местными блатными, кое-кого пришлось отправить на тот свет. А чтобы лагерное начальство меня следом не отправило, решил на побег. Шёл зимой через тайгу, заболел, спасибо местному охотнику, выходил на своём зимовье. А по весне отправился дальше, в Архангельск. Там пробрался на американский сухогруз и приплыл сюда, в Нью-Йорк.

– Однако... – прищурился Вержбовский, качнув головой. – Весьма, весьма занятная история. И как же вам удалось устроиться в Нью-Йорке?

– Благодаря протекции капитана сухогруза познакомился с антикваром, который держит свою лавку недалеко от Манхэттена, а ему как раз был нужен помощник. Жалованье небольшое, но на жизнь пока хватает, а там, глядишь, со временем ещё что-нибудь придумаю. А вы, наверное, уже лет двадцать как эмигрировали? – перевёл я стрелки на собеседника.

– Примерно так, – кивнул бывший офицер. – Предательство Думы и восстание большевиков не оставили выбора мне и моей семье, как, впрочем, и многим русским людям, не захотевшим жить при новой кровавой власти. Уехав со своими близкими в Париж в тысяча девятьсот восемнадцатом, обустроив их там, год спустя я вернулся в Россию и воевал с красными на Северо-Западном фронте под знамёнами генерал-лейтенанта Родзянко. Во время наступления на Петроград был ранен, после госпиталя оказался негоден к строевой службе, вернулся к семье в Париж. В тысяча девятьсот двадцать третьем мы по примеру многих соотечественников решили искать счастья в Новом Свете. Приплыли в Нью-Йорк, обосновались в более-менее русском районе Бруклина. Оставшиеся средства удалось удачно вложить в одно предприятие, так что пока мы с женой держимся на плаву. Кстати, Александр Павлович Родзянко также эмигрировал в Америку. Здесь он возглавляет полковое объединение кавалергардов США и председательствует в отделе Союза пажей, мы периодически с ним видимся.

– А дети у вас есть?

– Да, сын и дочь. Дочь вышла замуж за мормона, – он поморщился, – уехала жить к нему в Колорадо-Сити, штат Аризона. Даже приняла их веру, так что мы с ней особенно не общаемся. А сын женился на дочери русских эмигрантов, у него в Нью-Йорке свой, как тут принято говорить, бизнес.

– А что за бизнес, если не секрет?

– Так вот этот трактир и есть его бизнес, который он три года назад открыл на паях с родителями невесты. Поэтому угощение для нас с вами ничего и не стоит. А вот и мой Андрей.

К нам подошёл вполне современно одетый молодой человек лет около тридцати, с которым мы учтиво раскланялись.

– Знакомься, сын, это Ефим Николаевич Сорокин. Будучи несправедливо обвинён, бежал из Советов в поисках лучшей доли, умудрившись добраться до Архангельска и там спрятаться на американском судне.

Мы обменялись с младшим Вержбовским дежурными фразами, после чего он снова исчез в недрах трактира.

– Ну а как вообще русские живут в эмиграции? Наверняка ведь не всем удаётся поднять собственный бизнес.

– Что делать, – вздохнул мой собеседник. – Каждый выживает как может. Но мы по возможности стараемся держаться друг друга, у нас существует даже что-то вроде кассы взаимопомощи. Если уж кому-то придётся совсем худо, ему могут из этой кассы выдать какую-то сумму, естественно, с возвратом, но без процентов – мы не банкиры. Впрочем, это касается приличных людей, потому что, к сожалению, швали среди наших соотечественников тоже хватает... Ну а как там, в России?

– В Советском Союзе. – Я преднамеренно поправил Вержбовского. – В Советском Союзе строят социализм. У богатых всё отняли и разделили между населением поровну. Хотя, как обычно бывает, если все равны, то некоторые всё же более равны, чем другие[18 - Фраза из сатирической повести-притчи Оруэлла «Скотный двор» приведена не дословно.]. По-моему, с революцией, конечно, перемудрили. Я вообще слышал, что её спонсировали из-за границы, но не могу утверждать этого однозначно. А тут ещё Гражданская война, разруха, из которой вроде начали как-то выбираться.

– В наших эмигрантских газетах пишут, что большевики своих же сажают. Это правда?

– Есть такое, поговаривают, что товарищ Сталин решил почистить партийный аппарат от старой гвардии. Думаю, типов вроде Троцкого можно бы и зачистить, но, к сожалению, до кучи под гребёнку попали и невинные люди. Сначала Ягода переборщил, затем Ежов взялся за дело засучив рукава. С другой стороны, на то, чтобы реализовать грандиозные проекты вроде Беломорско-Балтийского канала, нужны огромные людские ресурсы. Нанимать сотни тысяч людей и платить им деньги – слишком невыгодно. Легче взять крепкого мужика по ложному доносу и отправить его на стройку канала или Днепрогэса, чтобы пахал за похлёбку и

кусоч хлеба. Понятно, это бесчеловечно, но в руководстве партии другого выхода не видели. Зато потомки будут вспоминать безвестных строителей с благодарностью, пользуясь плодами их трудов.

– Вы думаете, советская власть – это надолго?

Хм, уж кому, как не мне, знать, что СССР закончит своё существование в декабре 1991 года. И это при том, что подавляющее большинство населения страны проголосовало за сохранение страны. Но Ельцин с поделщиками по Беловежской Пути решили по-своему.

– Не знаю, – уклончиво ответил я, – может, и надолго. Правда, в ближайшее время следует ждать серьёзных испытаний. Гитлер спит и видит, как войска вермахта маршируют по Красной площади.

– Да, я читал, что германские нацисты готовятся чуть ли не к мировой войне. Однако хочется надеяться, что они не отважатся на самоубийственный шаг, поскольку против них выступит весь мир... Слушайте, а что вы делаете сегодня вечером? – вдруг огорошил меня вопросом Вержбовский.

Вот те раз, на свидание, что ли, приглашает? Да вроде бы с виду не из таких.

– А вы с какой целью, простите, интересуетесь? – процитировал я, пусть и не дословно, кота Матроскина.

– Хочу пригласить вас выступить на одном из наших вечерних собраний, пусть и остальные услышат вашу историю.

А, вон оно что! Чёрт, мне такая известность совершенно ни к чему, и так уже засветился порядочно. А он ведь по-любому проговорится в кругу своих знакомцев. Или попросить его, как офицера, дать обещание держать язык за зубами?

– Спасибо за приглашение, но, знаете, я пока воздержусь. Не хочу вас обидеть, однако я пока ещё пребываю в стране инкогнито, не имея эмигрантского статуса, и лишние слухи, которые могут пойти после участия в собрании, могут дойти до чужих ушей. Сами знаете, то, что знают двое, знает и свинья. Поэтому

хотел бы взять с вас слово русского офицера не распространяться пока насчёт моей персоны.

– Что ж, извольте! Даю слово и офицера, и дворянина, что, пока вы сами того не захотите, ваша история останется между нами. Андрей также будет держать язык за зубами.

– Спасибо, – поднимаясь, совершенно искренне поблагодарил я подполковника. – Очень рад нашему знакомству, и спасибо за прекрасное угощение, а теперь я всё же вынужден откланяться. Дела, знаете ли.

– Конечно, конечно, не смею вас задерживать. Но всё же вы не пропадайте, потому что мы, русские, ещё раз повторюсь, должны держаться друг друга. А вы вроде человек приличный.

Из Бруклина я отправился напрямик к Изе Шмейхелю, к которому уже несколько дней думал явиться за решением одной проблемы. У фотографа и поинтересовался, можно ли как-то увеличить маленькое фото моей знакомой девушки, оставшейся в СССР. Шмейхель покрутил фотокарточку в руках и заявил, что не видит особых сложностей. Только, конечно, чёткость кадра будет не такой резкой, как на маленькой фотографии.

То, что получилось, было, конечно, не идеально, но вполне приемлемо. Фото Вари я облёк в недорогую деревянную рамку, которую у Изи и приобрёл, и поставил дома на тумбочку, рядом с кроватью, под матрасом которой уже по привычке хранил револьвер. Чтобы наган пребывал в норме, купил в оружейном магазине набор для чистки оружия. Не хватало ещё, чтобы в решающий момент, если таковой когда-то случится, что-то внутри заклинило.

Мне не было нужды приходить на работу каждый день. Антиквару не требовалась охрана в магазине, он просто периодически давал мне какие-то задания, чтобы самому не отлучаться со своего рабочего места. Например, однажды я отправился в соседний Провиденс, где принял участие в аукционе, о котором старик узнал из газеты. Там же указывались и основные лоты. Абрам Моисеевич меня проинструктировал, какая именно вещь его интересует: это был набор жанровых статуэток из мейсенского фарфора XVIII века. Сам он не мог поехать – была суббота, следовательно, Шаббат. В начале торгов я предложил за набор сначала сотню баксов, а в итоге пришлось выложить сто пятьдесят – эту

сумму никто не рискнул перебить. Антиквар выдал мне двести на крайний случай, так что полсотни, можно сказать, я ему сэкономил. Перед Лейбовицем я отчитался соответствующим чеком, хотя антиквар и не настаивал на подобной мелочи.

Антиквар назначил мне повременную оплату в размере пятидесяти долларов в месяц. Тридцать долларов, как уже было указано выше, я платил за квартиру, причём в квартплату входили и коммунальные услуги: газ, вода и канализация. Таким образом, на еду, одежду и прочие мелочи у меня оставалось двадцать баксов. Для нормальной жизни этого было мало, поэтому поневоле приходилось тратить из суммы, выданной мне Лейбовицем после поездки в Лос-Анджелес.

Например, мне нужно купить второй костюм, менее презентабельный. Просто штаны и пиджачок, ну и недорогую сорочку с кепкой. Без головного убора в этом времени никуда, его отсутствие считалось признаком дурного тона. Хотя по такой погоде я не отказался бы от майки, шорт и кроссовок. Но, во-первых, шорты и уж тем более кроссовки тут ещё не в ходу и взять их попросту негде, а во-вторых, в таком прикиде я выглядел бы белой вороной. Так и в дурдом загреметь недолго. Другое дело, если я открою своё производство и устрою «модную революцию», типа как Коко Шанель с её брюками. Но когда ещё народ начнёт адекватно воспринимать такой стиль одежды... Да и на ателье с обувной мастерской нужны приличные деньги, а у меня их, этих зелёных бумажек, уже наперечёт.

Покупка обновки в итальянском «бутике», как я назвал этот магазинчик в соседнем квартале, обошлась всего в десятку с мелочью. Но мне и десять баксов было жалко, поэтому по примеру Джо я задумался о подработке. В идеале, конечно, открыть собственное дело. Впрочем, без стартового капитала рассчитывать на это нереально, тут получается замкнутый круг. Не кредит же брать у этих самых Морганов, Ротшильдов и Рокфеллеров! Хоть иди грабь банк.

Эта идея пришла мне в голову утром, когда я собирался отправляться к Лейбовицу, уже одевшись в парадный костюм и нахлобучив на голову шляпу-федору. Достал из-под матраса револьвер, сунул за пазуху и, встав перед зеркалом, представил, будто вхожу в отделение банка. Выхватил из внутреннего кармана ствол и наставил на своё отражение в зеркале со словами:

– Никому не двигаться, это ограбление!

Со стороны я точно выглядел настоящим гангстером. Пожалуй, мог бы и в кино сняться, вон визитка от пресс-секретаря Уорнера до сих пор в кармане хранится.

Вот бы грабануть Федеральный резервный банк! Он-то недалеко находится, на Манхэттене. Уж сколько там и бабла, и драгметаллов – вагонами вывозить! Хотя по моим запросам и чемоданчик наличности сгодится, а для этого можно обойтись и банком помельче, тем более что для штурма ФРБ нужна целая армия.

Меня нервировало, что эта идея, несмотря на казавшийся неоправданным риск, захватывала моё существо всё больше и больше. Я понимал, что вступать в противостояние с законом слишком чревато гибелью либо в перестрелке, либо на «старой коптильне»[19 - «Старая коптильня», или «жёлтая мама», – название электрического стула у заключённых.], если я случайно, не дай бог, кого-нибудь пристрелю. Ну пусть один раз пронесёт, однако вдруг выручка получится небольшой, придётся, чего доброго, ещё раз грабить. И в своей удаче я не был до конца уверен.

Как же быстро и безболезненно разбогатеть законным способом?!

Невольно вспомнился старый анекдот: «„Как вы стали миллионером?“ – „Я с женой приехал в Америку с двумя центами. На них мы купили яблоки и продали их по четыре цента. Дальше мы на четыре цента купили ещё яблок и продали их за восемь. Потом умерла моя тётя и оставила в наследство два миллиона”».

Плохо, что у меня нет такой тёти. Даже если вспомнить историю моего становления как бизнесмена в постъельцинской России, то там обстоятельства складывались несколько по-другому.

Опять же, плохо, что я не умею играть на бирже. Для этого в том числе надо иметь информацию от надёжных инсайдеров, которых у меня не было. Да и вообще все эти брокерские забавы выше моего понимания. Разве что у меня хватило бы ума вложиться в акции компании, будущее которой мне точно известно. Например, General Electric или Ford. Только вот уже сейчас их акции стоят немало, много на них не поимеешь. Другое дело, если бы на дворе стояла середина 1970-х, я вложился бы в акции IBM или Apple и в ближайшие пару десятилетий стал бы миллионером. Но до тех лет ещё нужно дожить, а мне нужно обогатиться уже сейчас.

Как вот, например, я представлял себе помощь СССР, будучи бедняком? Одними советами? Советчиков у Сталина и без меня хватает, недаром СССР называется Страной Советов. Мог бы начертить конструкцию АК-47, но там много таких нюансов, которые доступны лишь специалистам. Если я умею разбирать автомат и стрелять из него, то это ещё не значит, что я хороший конструктор-оружейник.

Была у меня ещё мысль найти в Штатах Игоря Ивановича Сикорского и ускорить процесс создания вертолётa. Для начала, понятно, пришлось бы раскручивать производство в Америке, чтобы отбить затраты. А я, вложившись в раскрутку, поимел бы хороший барыш. Тут уж без рекламы, без этого двигателя торговли, никуда. Ну а получи наши генералы чертежи винтокрылой машины – это ох как пригодилось бы советской армии! А ещё лучше продемонстрировать опытный образец. Пусть своими глазами увидят, что летательный аппарат, способный перемещаться в любом направлении, – вещь действительно для армии незаменимая.

Другой вопрос, где его вообще искать, этого Сикорского? Лейбовиц только развёл руками: мол, авиация не по моей части, знакомых среди авиаконструкторов нет. Как же хреново без Интернета! Тогда я не придумал ничего лучше, чем смотаться в аэропорт Ньюарка и пообщаться там с обслуживающим персоналом. На моё счастье, среди механиков один оказался весьма продвинутым в этой теме. Он и просветил меня, что компания, которая изначально называлась Sikorsky Aero Engineering Corporation и производила самолёты в Рузвельте, в 1929-м переехала в Стратфорд, штат Коннектикут. А затем и вовсе стала частью United Aircraft and Transport Corporation. Имя Сикорского в данный момент связывали со строительством самолётов-амфибий, которые, к примеру, компания Pan American Airways использовала для прокладки новых воздушных маршрутов в Центральную и Южную Америку.

Значит, у Игоря Ивановича уже есть собственное предприятие, либо он в нём один из ведущих акционеров и уж, безусловно, ведущий конструктор. Я могу вложиться в акции предприятия, но и то при наличии хотя бы нескольких тысяч долларов. А отдачи ждать... Когда там первый вертолёт появился? Кажется, в конце Второй мировой? И ещё не факт, что даже после этого компания стала получать хорошую прибыль. В этом вопросе, к сожалению, я не был настолько сведущ.

И снова мои мысли возвращались к ограблению. Может, украсть у какого-нибудь коллекционера картину стоимостью в миллион долларов? А кому я её продам?

Не через аукцион же, в конце концов, а в криминальном мире у меня нет никаких связей. Если уж и воровать, то наличность, которую можно потратить. Почему-то вспомнилось выражение, приписываемое Генри Форду, который обещал отчитаться перед народом за каждый заработанный цент, кроме первого миллиона долларов. Не исключено, что и он свой первый миллион добыл не совсем законным способом.

Может, легче ограбить инкассаторскую машину? Но как обделаться всё так, чтобы обошлось без стрельбы и никто не получил увечий? И чтобы, само собой, остаться при этом неузнанным? Мне не хотелось подвергать опасности ни свою жизнь, ни жизни ни в чём не повинных людей. Знать бы ещё заранее, сколько наличности находится в машине, чтобы не рисковать понапрасну из-за каких-нибудь десяти тысяч долларов.

Опять же вспомнился ещё советский фильм с прибалтийскими актёрами, действие которого проходило в Штатах. Там по сюжету герои украли инкассаторскую машину, и как они потом мучились, пытаясь её вскрыть. Надеюсь, у современных автомобилей, перевозящих наличность, нет таких сложных устройств.

Мысль об ограблении инкассаторской машины постоянно сверлила мой мозг. При этом, я думал, если уж грабить, то кого-то из банковской верхушки, из этих скрытых масонов, незримо управляющих миром.

Не выдержав издевательств над собой, я устроил экскурсию к ближайшему отделению JPMorgan Chase. Затаился напротив банка в небольшом кафе, где просидел почти два часа, выпив с десяток чашек кофе, прежде чем подъехала инкассаторская машина. По тяжёлому ходу «форда» можно было понять, что машина укреплена бронированными листами, уж задний, грузовой, отсек точно. Стекла же кабины были забраны металлическими решётками, как и отверстие в заднем отсеке. Откуда, надо думать, можно было отстреливаться. Створки железных ворот распахнулись и, когда машина въехала во внутренний двор банка, сомкнулись снова. Часы, подаренные Лейбовицем, показывали ровно шесть вечера.

Здесь грабануть их явно не получится, если это и делать, то где-то по пути следования, ещё до того, как машина подъедет к банку. Например, когда инкассаторы забирают выручку. А где они её забирают? В каких-то, надо думать, торговых точках, которые что-то продают, получая за это наличку. Или в кассе

на стадионе забирают вырученные от продажи билетов деньги. Скажем, завтра играют нью-йоркские «Янкиз» и «Детройт Тайгерс». Газеты пишут, что билетов в продаже почти не осталось, а стадион «Янки» вмещает 56 тысяч зрителей. Цена билетов от одного до пятнадцати долларов. С другой стороны, не копят же они в кассе выручку. Думаю, по традиционной схеме вечером приезжает инкассаторская машина и забирает дневную выручку. А если разбить её по дням, то получается не так уж и много. Тысяч сто на первый раз меня бы устроило. Половину вложил бы в акции, благо знаю, какие компании будут приносить прибыль, половину пустил бы на собственное дело. Уж я нашёл бы, во что вложиться.

К примеру, в игорный бизнес. Как мне объяснил Лейбовиц, вот уже семь лет на территории штата Невада разрешены азартные игры. Отели и казино Лас-Вегаса пока ещё можно пересчитать чуть ли не по пальцам одной руки, но вскоре – в этом я был железобетонно уверен – народ сюда валом повалит. В своё время не довелось побывать в Лас-Вегасе, но масса пересмотренных фильмов и прочитанной в Сети информации меня солидно подковали в этом вопросе. Да открой я хотя бы развлекательный клуб, и то снимал бы пенки. Как-никак туристам нужно не только спустить деньги и где-то переночевать, но и культурно отдохнуть.

Не выдержав, я даже поделился своими мечтами о собственном казино или гостинице, ну или клубе, на худой конец, с Джо, с которым мы разговорились, встретившись возле нашего дома. Однако, несмотря на излучаемый мной оптимизм, в этот раз индеец оказался почему-то достаточно мрачен. Причина выяснилась довольно скоро.

– У моего старшего, Майки, проблема, – сообщил он, смотря себе под ноги. – У него уже полгода падает зрение в правом глазу, врачи говорили, что нужно больше отдыхать. Вчера раскошелились на приличного специалиста, он посмотрел и сказал, что у Майки... – Джо достал из кармана бумажку и чуть ли не по складам прочитал: – «Ишемическая оптическая нейропатия». Недостаточное поступление крови к зрительному нерву. В общем, если не лечить, то через полгода глаз может ослепнуть. Он мог бы взяться за лечение сына в своей клинике, но это стоит около тысячи долларов. Говорит, прежде чем лечить, нужно найти причину болезни, это тоже дорогая процедура.

– И что делать?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Думал, может, удастся получить ссуду, с утра сегодня обошёл три банка, но везде мне отказали. С моим официальным доходом туда лучше не соваться.

– А богатых знакомых у тебя, как я понимаю, нет?

– Откуда? – развёл Джо руки.

У меня мелькнула мысль, не обратиться ли за помощью к Вержбовскому, уж у него всяко тыщонка-другая долларов должна завалиться, а у его сына и вовсе неплохой бизнес. Но тут же эту мысль отбросил. Мы не настолько хорошо знакомы, чтобы обращаться с подобной просьбой.

– Придётся брать из тех денег, что отложены Майки на учёбу, но и там всего около пятисот долларов, – продолжил Джо. – Где брать остальную сумму, ума не приложу.

– У меня есть сотни полторы...

– Тебе они самому нужны, – отмахнулся индеец.

– А может, найти клинику подешевле?

– Прежде чем идти к этому врачу, я справлялся у людей, его без дураков называют лучшим специалистом во всём Нью-Йорке. Нам пришлось даже на платный приём записываться чуть ли не за две недели. Я не хочу рисковать зрением своего сына, но и что делать в этой ситуации, не представляю.

Что делать, что делать... Пойдём на пару грабить банк или инкассаторов. Вдвоём больше унесём. Натянем чулки на голову – и хрен кто нас узнает. Но в то же время могут и подстрелить, или позже вычислить, кто грабители. Если сумма похищена приличная, то такие преступления расследуются первым делом. Могу ли я рисковать жизнью отца семейства? Нет, не могу. Тем более ещё неясно, согласится ли он принять участие в подобной аванюре.

Обо всём этом я раздумывал, сидя дома с бутылочкой «Будвайзера». Она ещё не успела нагреться, я купил её вместе с двумя другими такого же тёмного стекла

в магазинчике через дорогу. Вот, опять же, очень не помешал бы дома холодильник. Мне, как человеку, большую часть сознательной жизни проведшему в XXI веке, без некоторых гаджетов весьма некомфортно. Хотя, казалось бы, за год с лишним в этом времени я такого натерпелся, что отсутствие холодильника от «Дженерал электрик» или, скажем, стиральной машины с электрическим приводом кажется сущим пустяком. Однако за месяц в Штатах я начал понемногу привыкать к спокойной размеренной жизни, расслабился, и вопрос с добычей средств к существованию остро не стоял. Другое дело, что для осуществления моих грандиозных замыслов – а я планировал ни больше ни меньше как стать одним из самых влиятельных людей страны, – требовались очень приличные деньги. Во власть я не могу пройти, пока живу по поддельным документам и являюсь незаконным иммигрантом. А вот стать влиятельным бизнесменом – почему и нет? Я даже не против криминального происхождения моего благосостояния, естественно, хотелось бы обойтись без смертоубийства. Тогда через деньги я смогу влиять на правосудие, политиков, подкупать их в том числе и через сенаторов, например, повлиять на принятие конгрессом открытие Второго фронта не в 1944 году, а хотя бы парой лет раньше. Сколько бы жизней удалось спасти, переброшь фашисты часть своих сил с Восточного фронта на Западный!

В свежем номере «Нью-Йорк геральд трибюн», который лежал передо мной на кухонном столе, целая полоса под авторством некоего Дэвида Кини была посвящена международному положению. По его мнению, руководство нацистской Германии, не прибегая к прямой военной конфронтации, под предлогом борьбы с коммунистической угрозой вводит силовую составляющую в свою внешнюю политику, постоянно вынуждая Великобританию и Францию идти на уступки в вопросах внешней политики. Германией ни много ни мало уже создан плацдарм для будущей войны, достаточно сказать, что в марте 1938 года был осуществлён аншлюс Австрии.

«Всего одно поколение повзрослело после кровопролитной мировой войны, и вот парням уже снова захотелось пострелять, – писал Кини. – Точнее, их бессовестным руководителям. Во главе Германии стоит художник-недоучка, во главе СССР – священник-недоучка. И оба не могут терпеть друг друга. Недалёк час, когда Гитлер и Сталин сойдутся в непримиримой схватке. И не нужно думать, что Соединённым Штатам нечего бояться. Это будет война, где никому не удастся остаться в стороне. Все понимают, что конфликт неизбежен, ситуация в мире достигла точки кипения, не хватает только спички, чтобы всё вспыхнуло».

Это точно, не хватает спички. Да и вообще, насколько я помню, Гитлеру и особого предлога не понадобится, чтобы развязать самую кровавую войну в истории человечества. Война неизбежна, и вопрос в том, кто сможет лучше к ней подготовиться. Как были готовы Вооружённые силы СССР, я в общих чертах представлял. Имея подавляющее преимущество в живой силе и технике, умудрились бездарно пр... начало войны. В том числе и «благодаря» отвратительному оснащению наших войск средствами связи и управления. Не говоря уже о чистке руководящего состава РККА. Сразу же вспомнились комбриг Кржижановский и артиллерийский инженер Куницын, с которыми, казалось, уже целую вечность назад довелось сидеть в одной камере в Бутырке. Как-то сложилась их судьба? Живы ли? Я вот здесь прохладное пиво потягиваю, а их останки, может, уже тлеют в братской могиле... Эх!

И вновь мысли вернулись к моему нынешнему положению. Не самое худшее, надо признать. Живой, здоровый, уже обзаведшийся кое-какими знакомствами, имеющий небольшой, но постоянный доход от Абрама Лейбовица, которому – хвала небесам! – я пока нужен. Но в то же время с ощущением внутренней неудовлетворённости. Нужны деньги, много денег, и одним выигрышем на тотализаторе эту проблему не решить.

В этот момент мой взгляд упал на тумбочку, где лежала извлечённая из кармана пиджака дня три назад визитная карточка Адама Миллера. Того самого, помощника мистера Уорнера. Интересно, сколько мне заплатили бы за участие в съёмках? Понятно, я не Кларк Гейбл, но кто знает, вдруг и моя звезда взойдёт в Голливуде? Недаром сам Уорнер обратил на меня внимание. Шутка, конечно, однако какой-никакой гонорар в случае съёмок мне был бы обеспечен.

А сколько бы ни заплатили, в любом случае денег хватило бы, чтобы помочь несчастному Майки. Пусть даже у Джо не будет возможности их вернуть, но полторы штуки баксов не настолько значительная сумма для моих наполеоновских планов.

«Но ведь это риск, – осадил я себя. – То, о чём я и говорил Лейбовицу. Увидят мою физиономию на экране те, кому не надо бы это видеть, да ещё, глядишь, и в титрах прочитают, и беды не избежать».

Конечно, всё это походило на манию преследования. Вероятность подобного развития событий близилась к нулю.

Тем более меня наверняка считали сгинувшим в тайге, давно уже прекратив бесплодные поиски. Однако, как говорил наш прапорщик, лучше перебдеть, чем недобдеть.

А если поразмыслить, какое мне вообще дело до сына Джо? Я эту семью ещё пару недель назад и знать не знал, а сейчас готов впрячься за парня, словно за своего близкого родственника. Никогда не мог оставаться равнодушным к судьбе даже малознакомых людей. Эх, сгубит меня когда-нибудь моя доброта!

Оставался вариант с тотализатором. По идее, я должен что-то поднять, не настолько же серьёзные изменения в американской истории из-за моего здесь появления, чтобы Джо Луис проиграл бой. Правда, половину выигрыша обещал Лейбовицу, которого кидать не собирался. Наскребётся ли тысяча моего выигрыша, чтобы помочь Майки? Ставил-то сотню, может, общий выигрыш составит всего пять сотен.

Куда ни кинь – всюду клин. Но можно же ведь что-то придумать!

Я снова невольно посмотрел на визитную карточку пресс-секретаря Уорнера. Может, рискнуть? Мой мозг стал лихорадочно соображать, как свести риск к минимуму, и в итоге я остановился на одной достаточно привлекательной идее. На следующее утро я заявился к Лейбовицу и спросил разрешения позвонить в Голливуд. Тот понимающе кивнул, ничем не выказывая своих чувств, и оставил меня с телефонным аппаратом наедине.

Трубку на том конце провода подняли после третьего гудка.

– Это Ефим Сорокин, – представился я и добавил: – Тот самый, что сопровождал мистера Лейбовица.

– А, вспомнил вас, мистер Сорокин. Это вам мой босс предлагал роль в новом фильме.

– По этому поводу я и звоню. Предложение мистера Уорнера ещё в силе?

– Думаю, да, кастинг ещё не закончен, но съёмки должны начаться уже в следующем месяце. Вы хотите принять участие в кастинге?

– Пожалуй... Только скажите, сколько примерно мне заплатят, если я получу роль?

– Такие вещи по телефону не обсуждаются. Тем более роль нужно ещё получить, а это зависит от того, понравится ли вы кастинг-директору и режиссёру. И это точно будет не одна из главных ролей, они отданы Джеймсу Кэгни и Пэту О’Брайену. Но, смею вас заверить, даже играющие второстепенные роли обычно меньше трёх тысяч за фильм не получают.

Переведём на гонорары начала XXI века – получится примерно тридцать тысяч за второстепенный образ. Что, в общем-то, совсем не плохо. Хотя не факт, что мне вообще не предложат эпизод с гонораром статиста. Но попытка, как говорится, не пытка.

– Хорошо, я согласен пройти кастинг. Когда вылетать?

– Хоть сегодня. Протянете ещё неделю – и на попадание в фильм можете не рассчитывать.

Глава 4

Уф, ещё только 5 утра, а жара уже такая, что рука невольно потянулась к стоявшему на прикроватной тумбочке вентилятору. Надо было всё же открыть на ночь окно. С вечера меня остановило только то, что номер находился на первом этаже дешёвого мотеля и окно выходило в более-менее зелёный дворик, а хозяин предупредил, что ядовитые рептилии нередко заползают через окна, просачиваясь даже сквозь москитные сетки. Мне же совсем не хотелось проснуться среди ночи с гремучей змеей в постели. Уж лучше рядом с какой-нибудь симпатичной мулаткой.

Я перевернул подушку влажной стороной от себя, надеясь ещё немного поспать под более-менее прохладными волнами воздуха, идущими от вентилятора, но сон уже не шёл. Сегодня мой первый съёмочный день, и неудивительно, что я испытывал некое волнение. Хотя, казалось бы, пережил столько всего и в прошлой реальности, и в этой, что меня уже ничем не проймёшь, а вот гляди ты!

В Лос-Анджелес я прилетел через день после нашего с Адамом разговора, благо Лейбовиц, повздыхав, всё же пошёл мне навстречу. Помощник киномагната вместе с уже знакомым мне водителем Тони встречал меня в аэропорту «Майнес-Филд». Оттуда мы сразу отправились в Голливуд на студию «Уорнер Бразерс». По пути Адам просветил меня, что фильм режиссёра Майкла Кёртиса будет называться «Ангелы с грязными лицами». Рассказ в картине идёт о двух друзьях детства, промышлявших в юности мелким воровством. Один из друзей стал священником, второй после отсидки вырос в известного гангстера. Несмотря на то что гангстер пытается подмять под себя город, где проповедуют священники, в итоге побеждает доброе и справедливое начало, как и положено по принятому в 1930 году кодексу Хейса[20 - Кодекс Хейса – этический кодекс производства фильмов в Голливуде, принятый в 1930 г. Ассоциацией производителей и прокатчиков фильмов (ныне Американская ассоциация кинокомпаний), ставший в 1934 г. неофициальным действующим национальным стандартом США. Все фильмы, выходившие в американский прокат, должны были получить одобрение комиссии, следившей за выполнением кодекса.], который, в частности, запрещал показывать разного рода злодеев в положительном свете. Без соблюдения этого кодекса фильм просто не мог оказаться в широком прокате. В общем, ждёт негодяя электрический стул.

Священника играет Пэт О'Брайен, а его друга-антипода – Джеймс Кэгни. Название фильма и имена исполнителей мне ни о чём не говорили. Из звёзд этой эпохи я мог вспомнить разве что Чарли Чаплина, ну и, само собой, Кларка Гейбла и Вивьен Ли, сыгравших в ещё не вышедшем оscarоносном фильме «Унесённые ветром». Да и то Ли, кажется, примерила на себя статус звезды после выхода фильма. Монро сейчас, наверное, ещё девочка, тот же Джек Леммон и Тони Кёртис, с которыми Монро снималась в картине «В джазе только девушки», тоже, скорее всего, ещё совсем юные. Так что мир Голливуда конца 1930-х для меня был большим белым пятном.

– Я звонил вчера Майклу, намекнул, что вас к нему направил сам мистер Уорнер, – говорил мне Адам. – По его протекции, кстати, Майкл когда-то перебрался из Европы в Голливуд, сам-то он венгр по рождению. Кастингом обычно режиссёр не занимается, но сегодня он сделал для вас исключение, пришел в павильон на час раньше намеченного. Предупреждаю, Кёртис – парень с характером, на съёмочной площадке настоящий диктатор, и лучше с ним не пререкаться. Сказал, что выкроит время взглянуть на вас, а если вы его не устроите, то роли вам не видать как своих ушей.

Как мне объяснил Миллер, кинокомпания «Уорнер Бразерс» владела площадью около тысячи акров, где нашлось место и павильонам, и пейзажам с водоёмами, и уличным декорациям, в том числе уголку небольшого современного города, где будут сниматься некоторые сцены фильма «Ангелы с грязными лицами». Собственность компании была обнесена по периметру двухметровым забором, так что посторонний человек так просто сюда не проберётся. Попасть на территорию, равно как и покинуть её, можно только через северные или южные ворота, на которых дежурила охрана. Мы въезжали через северные, и Адам, хотя охранник и приветливо козырнул, всё равно предъявил ему пропуск.

Место, где проходил кастинг, представляло собой огромный бетонный павильон сдвигающимися на роликах воротами и надписью на них Stage 33. Переход из солнечного дня в сумрак павильона сказался на зрении – несколько секунд я ничего не видел. Потом разглядел в глубине павильона свет, оттуда же доносились едва слышимые у входа голоса.

– Там Майкл со своим помощником Томасом Троицки, – пояснил Адам. – Кажется, ещё кто-то из членов съёмочной группы.

К освещённой софитами площадке мы двигались мимо декораций, изображавших фасады как каменных двух- и трёхэтажных домов, так и каких-то допотопных ранчо. Майкл Кёртис оказался чем-то похож на польского актёра времён СССР, фамилию которого я забыл. Он ещё снимался в картине «Новые амазонки». На лице никакой растительности, большой лоб, возможно кажущийся таким по причине зачёсанных назад не таких уж и густых волос, морщинки в уголках глаз... Чёрная кожаная бабочка придавала режиссёру импозантность. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

– Вот, Майк, привёз того самого парня, о котором вчера говорил, – представил меня Адам.

Прежде чем протянуть руку, тот, от которого в некоторой степени зависела моя дальнейшая судьба, окинул меня критическим взглядом.

– Вы что, и в самом деле русский?

– Так и есть, мистер Кёртис, – кивнул я.

– Станиславский – мой кумир! – с пафосом произнёс он. – Новаторские идеи Мейерхольда меня тоже интересовали одно время, но всё же школа Станиславского остаётся непревзойдённой... Ладно, лирику в сторону. Мне нужен актёр на небольшую роль подручного продажного адвоката, связанного с криминалом. У вас, как я понял, не было ни опыта работы в кино, ни опыта на сцене. Староваты вы, конечно, чтобы начинать карьеру... Хорошо, сейчас мы сделаем пробы, посмотрим, годитесь ли вы на эту роль.

– А что нужно делать?

– Мы с вами пока без камеры сыграем маленькую сценку. Вот вам небольшой текст. Сценарий вам знаком в общих чертах? Хотя откуда... Ну, не суть важно. По сюжету вы следом за гангстером Рокки Салливаном, которого играет Джеймс Кэгни, входите в аптеку. Пока Рокки пьёт свою кока-колу, вы негромко говорите аптекарю: «Добрый вечер! Как там мой рецепт?» Далее диалог по тексту, который у вас в руках. Вот прилавок, за которым я буду изображать аптекаря. Джонни, – кивнул он человеку в рабочем комбинезоне у софита. – Возьми колокольчик, я тебе кивну, когда нужно будет изобразить телефонный звонок. А ты, Фредди, сыграешь Рокки, будешь стоять у прилавка, делать вид, что пьёшь из вот этого стакана кока-колу. Потом я пройду сюда, будто в телефонную будку, и позову тебя. Так, а вы, мистер Сорокин, когда Фредди зайдёт в будку, с угрозой скажете свою последнюю фразу: «Иди в заднюю комнату, закрой рот и глаза. Понял?» Я испуганно ухожу, на этом сценка окончена.

– Хорошо. Но прежде, чем мы приступим, я хочу озвучить вам своё условие.

– Что?! Вы ставите мне условия?! Да вы в своём уме?!

Я буквально всем своим существом почувствовал, как присутствующие напряглись, а вокруг наступила зловещая тишина. Однако я, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Во-первых, моя внешность должна быть изменена, желательно с помощью шрама через всё лицо и усов, ну, или хотя бы модных нынче усов. Второе: если моё имя окажется в титрах, то не настоящее, а псевдоним, на американский манер. Например, Фил Бёрд.

Прошло, наверное, с полминуты, прежде чем опешивший Кёртис нарушил молчание.

– Вы что, скрываетесь от правосудия? – тихо спросил он. – Или, наоборот, от мафии?

– От бывшей любовницы, – выдал я заранее заготовленный ответ. – Она от кого-то залетела, а меня выставляет отцом ребёнка, требует алименты. Сейчас, если она увидит, что я снялся в кино, то её усилия по выбиванию из меня денег возрастут многократно. Суд, конечно, будет на моей стороне, но мне не хотелось бы скандальной славы.

– Адам, кого ты мне привёз?! – обернулся Кёртис к пресс-секретарю Уорнера.

Тот развёл руки: мол, я здесь ни при чём. Режиссёр снова повернулся ко мне. Задумчиво массируя пальцами подбородок, он хмыкнул:

– Да-а, наглости парню не занимать. И это меня подкупает. Ну-ка, Люси, изобрази ему шрам и усы. Насчёт шрама можешь особенно не стараться, пока просто обозначь карандашом. А вы, мистер Сорокин, за это время должны выучить свой текст, чтобы не заглядывать каждый раз в бумажку. Там ничего сложного.

Гримёр – упитанная бабёнка средних лет, с замысловатой причёской на голове – усадила меня в кресло перед столиком с обрамлённым лампочками зеркалом и приступила к работе. Я сидел, пялясь в лист бумаги со своими словами и беззвучно шевеля губами. И впрямь ничего сложного. Через пятнадцать минут гримёр чуть отстранилась:

– Ну как, мистер Кёртис?

– Неплохо, – кивнул режиссёр. – Что ж, а теперь давайте посмотрим, на что вы способны как актёр.

Актёрского опыта у меня практически не было. За исключением одного раза в школьной самодеятельности, когда году в 1990-м мы ставили спектакль по повести какого-то Губарева «Павлик Морозов». Меня хотели попробовать на роль

Федьки, младшего брата пионера-героя, однако с первой же репетиции отправили восвояси. Мол, зачем же так орать, когда тебя режут? Ага, заорёшь тут, когда в тебя со всей дури ножом тычут. Хотя и деревянным, покрашенным для правдоподобности серебрянкой, однако старшеклассник, игравший Данилу, двоюродного брата Павлика Морозова, решил явно добавить реализма. Хорошо хоть, в самом деле не прирезал, я потом неделю с кровоподтёком на животе ходил.

– Итак, вы входите в эту дверь, я стою за прилавком, – наставлял меня режиссёр. – Далее по тексту.

Я кивнул. В принципе, ничего сложного...

– Нет, нет, нет, – замахал руками Кёртис. – Не нужно этой походки вразвалочку, вы не крутой гангстер, а всего лишь подручный, отправленный следить за Рокки, поэтому в аптеку входите бочком, не привлекая внимания... Поняли? Давайте ещё раз.

Теперь уже я всё сделал как надо. Стоя у прилавка и отворачивая от Рокки лицо, я чуть наклонился к аптекарю, негромко сказав:

– Добрый вечер! Как там мой рецепт?

– А когда вы его оставили? – приподнял брови Кёртис.

– Вчера мой брат приходил.

– Ваше имя?

– Паттерсон.

– Сейчас посмотрю.

Он кивнул, и Джонни забренчал колокольчиком. Кёртис неторопясь прошёл в нишу, вышел оттуда и сказал, что спрашивают какого-то Рокки Салливана. Фредди слился в будку, и я, сделав морду кирпичом, негромко прорычал:

– Иди в заднюю комнату, закрой рот и глаза. – И после короткой паузы: – Понял?

Едва удержался, чтобы не замахнуться на визави, подкрепляя слова действием.

– Стоп! Неплохо, но слегка переигрываете. Чуть помягче говорите, ваш шрам и так достаточно усиливает эффект.

Известно, что Бог любит Троицу. Вот и мы отработали три дубля, после чего Кёртис подвёл итог.

– Я возьму вас на эту роль. Хотел отдать её Джо Даунингу, но мы подыщем ему работу в нашем следующем проекте, думаю, он это переживёт. Кстати, в финале этой сцены вас по ошибке пристрелят свои же парни.

– Ничего страшного, – пожал я плечами, – мне не привыкать.

– В вас что, когда-то стреляли?

– Было дело, – уклончиво ответил я, отклеивая усы и возвращая их Люси.

Кёртис хмыкнул, но больше эту тему педалировать не стал, заявив, что послезавтра начинаются съёмки, а на второй день съёмочного процесса будет сниматься эпизод со мной в адвокатской конторе, и чтобы я был в этой студии в 9 утра как штык. В целом примерно через неделю я могу быть свободен. Отлично! Как раз успею в Нью-Йорк к бою Луиса и Шмелинга.

– А что насчёт гонорара? – скромно поинтересовался я.

– Я этим не занимаюсь. Мистер Миллер вам разъяснит, что к чему... И смойте ваш шрам, не пойдёте же вы так по улице, людей пугать.

По пути к машине Адам просветил меня, что общую гонорарную ведомость подписывает мистер Уорнер, а ставку каждому конкретно актёру и членам массовки устанавливает исполнительный директор картины, к которому мы сейчас и отправимся. Мистер Гриффитс должен быть у себя в офисе на Уилтон-Плейс.

– Главное, не превысить смету, – продолжал по пути вводить меня в тонкости кинобизнеса Адам. – Скажу вам по секрету, мистер Сорокин, значительную часть сметы съел гонорар Джеймса Кэгни, который за этот фильм получил сто пятьдесят тысяч долларов. Но он – звезда, люди пойдут в кинотеатры, чтобы на него поглядеть. Кто знает, вдруг и вы со временем чего-то добьётесь, Голливуд даёт шанс любому. Поэтому вам не помешало бы сделать портфолио, чтобы вас внесли в базу данных. Завтра вам всё равно делать нечего, подъезжайте в первой половине дня на студию, в павильон номер восемнадцать. Там найдёте Айзека Леброу, он устроит вам фотосессию. Я ему сегодня позвоню, предупрежу.

– А пустят без пропуска?

– Я распоряжусь, чтобы вас пропустили. Подойдёте на те же северные ворота, назовёте своё имя. Пока вам пропуск ни к чему. Вы же всё равно через неделю улетите в Нью-Йорк, и кто знает, появитесь ли вообще здесь ещё когда-нибудь. Потому и не советую вам пока вступать в Гильдию киноактёров США.

– А что это даёт?

– Профсоюзы следят за тем, чтобы вы не перерабатывали. А если такое случается, чтобы получали соответствующую надбавку. Да и вообще защищают права актёров.

У Джеймса Гриффитса мы пробыли всего пятнадцать минут. Исполнительный директор выписал мне чек на предъявителя в Bank of America на триста долларов за вычетом каких-то там налогов. Оказалось, пока это аванс, ещё тысячу получу по окончании своей части съёмок. Не бог весть что, но за неделю работы по нынешним временам очень даже неплохо. К тому же Великую депрессию ещё никто не отменял. Как мне объяснил уже по пути в мотель Адам, парни из команды под названием The Dead End Kids, играющие трудных подростков, получили каждый всего по шестьсот пятьдесят долларов, а съёмочное время у них на порядок больше моего.

Ехали мы в мотель, расположенный неподалёку от Голливуд-Хиллз. По словам Миллера, мотель негласно закреплён за «Уорнер Бразерс», там обычно живут актёры или члены съёмочной группы, не имеющие своего жилья в Лос-Анджелесе или Голливуде. Звёздам же предоставлялись номера в приличных отелях либо, по их желанию, отдельные вагончики на территории студии.

Например, Пэт О'Брайен предпочёл как раз вагончик, а Кэгни недавно купил себе особняк в Беверли-Хиллз на бульваре Сансет.

Хозяина мотеля звали Родриго, он тут же выделил мне скромный, но чистый одноместный номер на первом этаже. За проживание и питание я должен был платить из своего кармана. Для обналичивания чека нужно ехать в банк, поэтому пока я предпочёл тратиться из своих оставшихся средств, отдав за неделю проживания и четырёхразовое питание, включавшее ланч, пятьдесят пять долларов. Перед отъездом Адам напомнил, чтобы я не забыл послезавтра, то бишь в среду, явиться в павильон. Засим мы распрощались, а я принялся обживатьаться.

На следующий день я нашёл в 18-м павильоне Айзека Леброу, который на пару со своей гримёршей и костюмером в одном лице мучил меня почти два часа. Сначала он сделал стандартные портреты, затем заставил фотографироваться в образе ковбоя верхом на лошади из папье-маше. После этого я перевоплотился в гангстера с сигарой в зубах и «томми-ганом»[21 - «Томми-ган», он же пистолет-пулемёт Томпсона – американский пистолет-пулемёт, разработанный компанией Auto-Ordnance в 1920 г. и активно применявшийся не только во время Второй мировой войны, но и гангстерами. В 1924 г. через Мексику СССР была закуплена партия M1921, поступивших на вооружение войск ОПТУ и пограничных войск. «Томпсоны» активно использовались на южных границах СССР в ходе боев с басмачами. В служебной документации именовался как «ручной пулемёт Томпсона».] в руках. В довершение меня обрядили в костюм XVIII века и напудрили физиономию, так что в кружевах и белых колготках я стал похож на участника какой-то гомосеяцкой вечеринки. Самые удачные фотографии Леброу обещал передать Адаму, а уж тот о них позаботится.

И вот сегодня настал мой первый съёмочный день! На студию я прибыл за час до начала, то есть в 8 утра. Здесь уже вовсю кипела работа. Увидев меня, помощник режиссёра Томас Троицки махнул рукой, подзывая. Затем подвёл к Люси:

– Сможешь изобразить ему натуральный шрам? Тогда приступай к работе и не забудь приклеить усики.

Через час физиономия, увиденная мной в зеркале, лишь отчасти напоминала лицо Ефима Сорокина. Шрам удался на славу. Не особо толстый, розоватый, он пересекал моё лицо от левой брови по левой щеке к подбородку. Да меня сейчас

и мать родная не признала бы... Эх, а ведь она ещё и на свет не появилась, мама.

Усики смотрелись достаточно импозантно. Напоследок мои чуть тронутые сединой виски покрасили какой-то краской, а затем бриолином смазали волосы, которые стали прилизанными и блестящими. Троицки увиденным остался доволен, после чего передал меня на руки немолодой женщине. Оказалось, это костюмер, которую звали Линда Поллок. Она выдала мне соответствующий прикид – тёмный костюм со стреловидными отворотами и чёрной бабочкой, солидно выглядевшие запонки. И вот я уже совершенно другой человек!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гувер Джон Эдгар – американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований с 1924 г. до своей смерти в 1972 г.

2

Дж. Гувер родился 1 января 1895 г.

3

'Комиссия – коллективный руководящий орган американской коза ностра, учреждённый в 1931 г. по предложению Лаки Лучано пятью самыми крупными и влиятельными семьями итало-американской мафии, контролирующими Нью-Йорк и разграничивающими «зону влияния» между семьями.

Лаки Лучано – Чарльз Лучано по прозвищу Счастливчик, он же Сальваторе Лукания, итальянский преступник, один из лидеров организованной преступности в США. Не имел гражданства США, в 1946 г. депортирован из страны.

4

Костелло Фрэнк – американский мафиози итальянского происхождения, прозванный Премьер-министром преступного мира. Являлся одним из самых могущественных и влиятельных боссов мафии в США.

5

Маранцано Сальваторе – один из самых знаменитых деятелей организованной преступности первой половины XX в. вначале на Сицилии, а затем в Америке, где стал одним из ранних боссов коза ностра.

6

Кастелламмарская война – кровавый конфликт за контроль над итало-американской мафией между сторонниками Джо Массерия и Сальваторе Маранцано. Войну назвали так, потому что Маранцано был родом из Кастелламаре-дель-Гольфо, Сицилия. Кастелламмарская фракция выиграла, а Маранцано объявил себя «капо ди тутти капи», став неоспоримым лидером

мафии. Однако он вскоре был убит бандой молодых гангстеров во главе с Лаки Лучано, который установил новый, разделяющий власть орган – Комиссию, состоящую из пяти семей мафии равной мощи, ради предотвращения таких войн в будущем.

7

Ллойд Гарольд Клейтон (1893–1971) – американский актёр и кинорежиссёр, известен своими немыми комедиями.

8

Современный русский язык распространился на территории Центральной и Восточной Польши в конце XVIII в. после разделов Речи Посполитой и был единственным государственным языком Царства Польского. После 1875 г. в период наиболее интенсивной русификации Польши судопроизводство в стране было переведено на русский язык, хотя польский по-прежнему ограниченно использовался в школах для религиозного преподавания, а также повсеместно в устном общении и частной переписке.

9

Нансеновский паспорт – международный документ, который удостоверял личность держателя, и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства.

10

Остров Эллис, расположенный в устье р. Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приёма иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 г. по 12 ноября 1954-го. Ныне остров – собственность Федерального правительства США, находится под юрисдикцией Службы национальных парков США.

11

Лев Троцкий был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером 20 августа 1940 г. в Мехико (Мексика) и на следующий день умер.

12

Баррет Джудит – американская киноактриса, снимавшаяся в главных женских ролях с конца 1920-х и до начала 1940-х гг. Один из её творческих псевдонимов – Нэнси Довер.

13

Гейбл Кларк – американский актёр, кинозвезда и секс-символ 1930—1940-х гг., носивший прозвище Король Голливуда.

14

Тодд Тельма – легендарная американская актриса первой половины XX в.

Уорнер Джек Леонард – американский и канадский продюсер и киномагнат еврейского происхождения, который был президентом и «движущей силой» студии Warner Bros, в Голливуде. Вместе с братом Сэмом создал первый в истории звуковой фильм «Певец джаза». На протяжении своей карьеры считался противоречивой и загадочной фигурой. Уорнер выступал против европейского фашизма и критиковал политику нацистской Германии задолго до вступления Америки во Вторую мировую войну. Будучи противником коммунизма, после войны Уорнер давал показания в качестве «дружественного свидетеля» перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, добровольно называя имена сценаристов, которые затем были уволены по подозрению в том, что были коммунистами или сочувствующими им.

Ларамийский договор – договор о перемирии между вождями индейских племён и представителями правительства США, заключённый в 1868 г. в Форт-Ларами, штат Вайоминг.

Дорога слёз – этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев из их родных земель на юго-востоке США на индейскую территорию (ныне Оклахома) на западе США. По дороге индейцы страдали от отсутствия крыши над головой, болезней и голода, многие умерли. Вместе с индейцами на индейские территории переселилось множество негров – находившихся в рабстве, вступивших в брак с представителями индейских племён или просто беглых. В наши дни одноимённое название носит дорога, включённая в Систему национальных троп США с целью увековечивания американской истории.

18

Фраза из сатирической повести-притчи Оруэлла «Скотный двор» приведена не дословно.

19

«Старая коптильня», или «жёлтая мама», – название электрического стула у заключённых.

20

Кодекс Хейса – этический кодекс производства фильмов в Голливуде, принятый в 1930 г. Ассоциацией производителей и прокатчиков фильмов (ныне Американская ассоциация кинокомпаний), ставший в 1934 г. неофициальным действующим национальным стандартом США. Все фильмы, выходившие в американский прокат, должны были получить одобрение комиссии, следившей за выполнением кодекса.

21

«Томми-ган», он же пистолет-пулемёт Томпсона – американский пистолет-пулемёт, разработанный компанией Auto-Ordnance в 1920 г. и активно применявшийся не только во время Второй мировой войны, но и гангстерами. В 1924 г. через Мексику СССР была закуплена партия М1921, поступивших на вооружение войск ОПТУ и пограничных войск. «Томпсоны» активно использовались на южных границах СССР в ходе боев с басмачами. В служебной документации именовался как «ручной пулемёт Томпсона».

Купить: https://tellnovel.com/marchenko_gennadiy/pokorenie-ameriki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)